

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhlib.am/>

E-mail: info@artsakhlib.am

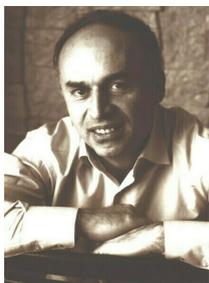
Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhlib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhelibrary>

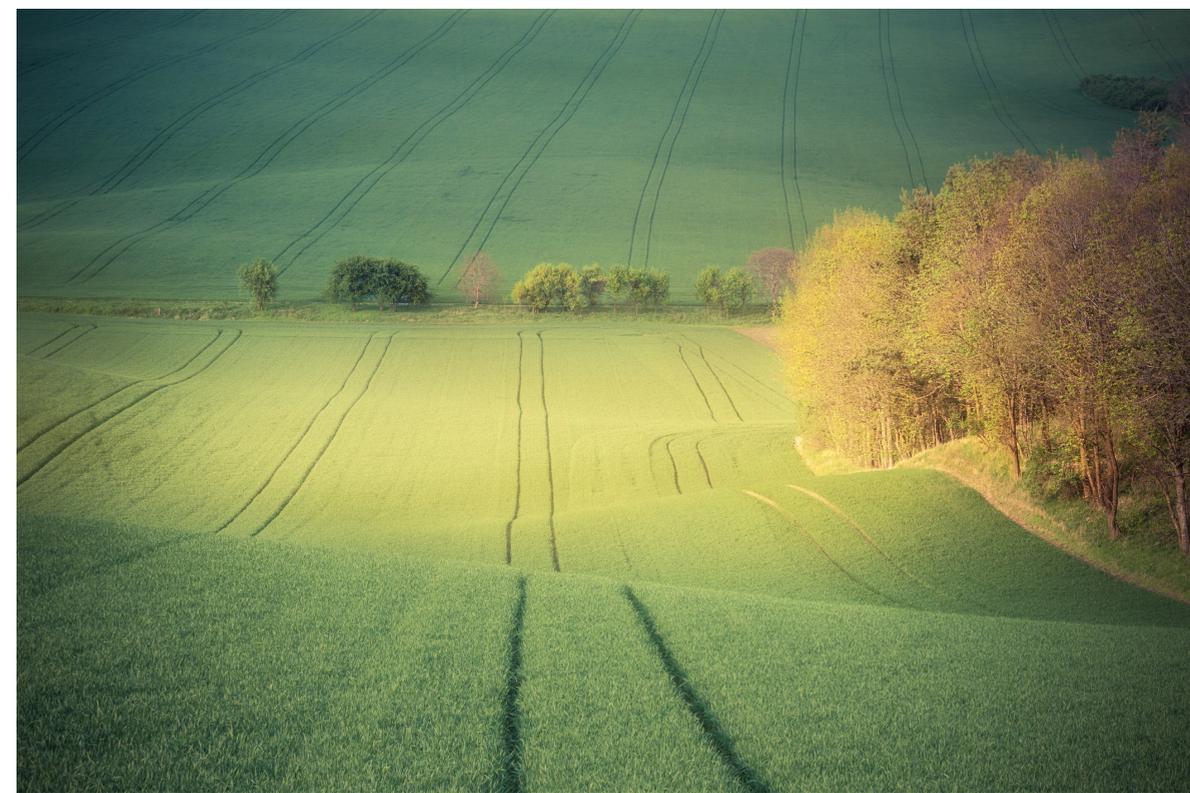
Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

Наивная мудрость, или Правда жизни

Новый сборник рассказов известного армянского прозаика и журналиста, лауреата международных конкурсов Ашота Бегларяна «Наивная мудрость, или Правда жизни» включает в себя рассказы разных лет и различных жанров. Однако их объединяет тема смысла и правды жизни. Автор пытается раскрыть эту извечную тему с философской и психологической точек зрения. Наивная, святая мудрость ребёнка сочетается в его произведениях с жестокой правдой голодного хищника и робкой правдой ягнёнка, которому, пусть и неосознанно, тоже хочется жить на этом свете. Но, увы, «правда жить» и «правда жизни» слишком отличаются друг от друга. Особенно отчётливо данная реальность видна в военных рассказах, которые составляют основу творчества автора. В сборник включено также несколько юмористических произведений, призванных несколько смягчить суровую правду жизни.

Ашот Бегларян, армянский писатель и журналист, печатается с 19 лет. Рассказы и очерки автора публиковались в Армении, России, Великобритании, Канаде, США, Болгарии, Словакии, Украине, Казахстане, Грузии и др. Лауреат ряда международных конкурсов, является автором, переводчиком и редактором нескольких десятков книг различных жанров.

Наивная мудрость, или Правда жизни

Сборник рассказов

Ашот Бегларян

Ашот Бегларян

Наивная мудрость, или Правда жизни

Сборник рассказов

Drugoe Reshenie

ID проекта: #1433
Наивная мудрость, или
Правда жизни
Сборник рассказов

ISBN: 978-620-2-48144-1
Редактор: araul
Автор: Ашот Бегларян

Новый сборник рассказов известного армянского прозаика и журналиста из г. Степанакерта Ашота Бегларяна включает в себя рассказы различных жанров. Однако их объединяет тема смысла и правды жизни.

Автор пытается раскрыть эту извечную тему с философской и психологической точек зрения. Наивная, святая мудрость ребёнка сочетается в его произведениях с жестокой правдой голодного хищника и робкой правдой ягнёнка, которому, пусть и неосознанно, тоже хочется жить на этом свете. Но, увы, «правда жить» и «правда жизни» слишком отличаются друг от друга. Особенно отчётливо данная реальность видна в военных рассказах, которые составляют основу творчества автора.

В сборник включено также несколько юмористических произведений, призванных несколько смягчить суровую правду жизни.

ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Рождение человека, или Преодоление боли

Вот появился на свет Божий ещё один человек, а вернее, живой комочек, несущий в себе идею человека. В бессознательном испуге и одновременно с непринуждённой смелостью ворвался он криком своим в нашу устоявшуюся взрослую жизнь, и все вокруг вдруг засуетились, подгоняемые этим требовательным криком-плачем. Отчего же столь неистово плачет этот несмышлёный человечек, что терзает его? Неужели только боль?

Боль, известно, категория не только физическая – она часто рождается из печали, грусти, обиды, боязни перед опасностью и даже перед неизвестностью. И появившийся на свет малыш наверняка интуитивно чувствует, какими опасностями и угрозами наполнена неизвестность, называемая Жизнь. Так что плач – нормальная реакция маленького человека на окружающий его мир. И причину боли он инстинктивно (и, наверное, справедливо) ищет вне себя – она кажется ему странной и незаслуженной, потому и плачет малыш с таким негодованием.

Малыш вроде бы смотрит в упор, а на самом деле – куда-то вдаль, мимо тебя. Его маленькое личико вечно в движении: оно то проясняется в какой-то отвлечённой полуулыбке (говорят, малыш общается с Ангелами – в первые дни это невинное создание принадлежит только Богу), то сморщивается, словно в недоумении. Перед ним, несмышлёным, по воле тех же Ангелов открываются бесконечные голубые дали космоса и нескончаемые тернистые дороги жизни. В один миг – на стыке космического и земного, кажется, приоткрывается даже завеса Судьбы, чтобы обнажить секрет её, но всё вдруг снова окутывается таинственной пеленой. Жизнь – загадочная и противоречивая штука: невозможно понять ни её начала, ни конца, потому что тайна рождения и смерти вне самой человеческой жизни и её ограниченных земных рамок.

Тем временем мать трепещет над каждым движением своего чада, стараясь оградить этот хрупкий сосуд жизни от грубых прикосновений той же жизни извне. «Боже мой, столь невинное создание!» – невольно вырывается у неё, и сердце её окатывает новая волна нежности. Но жизнь, несмотря на старания взрослых, трогает малыша, обещая однажды, когда рядом не будет ни отца, ни матери, поговорить с ним тет-а-тет, начистоту, раскрыв все карты свои. Боль и угроза боли будут сопровождать появившегося на свет человека всю жизнь, уча преодолевать их и одновременно бояться и остерегаться. Боль будет стараться всячески унижать его, подчеркнуть зависимость от себя. Она попытается превратить его в труса и подхалима. Но в один прекрасный миг он преодолеет боль и, став выше неё, с гордостью осознает себя Человеком, так как поймёт, что не боль является регулятором поступков и действий, а Дух, который зреет и крепнет вместе со становлением человеческой личности.

А сейчас родители не помнят себя от радости и счастья. Новые мечты и надежды переполняют их. Отец и мать видят в новорожденном себя и своё продолжение. Они искренне верят, что дети достигнут всего того, чего им самим не удалось добиться в жизни. Дедушки и бабушки не менее счастливы – глядя на малыша, они снова и снова вспоминают и переживают свою молодость и любовь. Они желают, чтобы малыш поскорее вырос, даже не задумываясь о том, что вместе с его взрослением уходит, приближаясь к критической черте, их собственная жизнь. Они ждут не дождутся, когда внучек встанет на ноги и прогуляется с ними за ручку по улицам и скверам, словно Весна и Осень. Весна и осень, дети и старики схожи в главном: они – начало и конец – близки к тайне жизни и смерти. Младенец и старец – словно два альпиниста у подножия высокой, крутой горы – одному ещё только предстоит взбираться на неё, другой уже сошёл с неё, усталый, измождённый... Поэтому они сочувствуют без слов друг другу и бессознательно тянутся друг к другу.

Между тем ребёнок растёт, как того велят незыблемые законы Времени и Пространства, набирая первый опыт. Жизнь выводит на этом чистом листе (*tabula rasa*) первые строки, всё больше втягивая человечка в себя и предъявляя ему всё новые и новые требования. Увы, не все принимают вызовы судьбы с достоинством, и нередко прожитая жизнь – не совсем удачная, неизданная, не принятая обществом рукопись...

А настоящий человек – это каждодневный тихий и часто не замечаемый окружающими подвиг. Это – постоянная борьба с самим собой и преодоление боли, которая рождается вместе с человеком, живёт с ним всю жизнь и даже остаётся после него.

2003 г.

Агония

В палате онкологической больницы свет горел до самого утра, словно для того, чтобы подчеркнуть крайнюю уродливость облупившихся, заплесневелых стен и потолка.

У постели умирающей сидели двое. Он держал прозрачную руку женщины, которая приходилась ей тётей, не давая пальцам, пока ещё на удивление сильным, сжаться, чтобы не мешать работать капельнице, безуспешно пытающейся через едва обозначающиеся вены влить жизнь в угасающий организм. Она же, истощённая за неделю круглосуточного ухода за матерью физически и душевно, тихо причитала, уже смирившись с неизбежностью смерти.

Умирающей было 65 лет. Борясь со смертью, женщина с шумом хватала ртом воздух и тяжело выдыхала его. Что-то изнутри, видимо, изгрызало её, причиняя ужасную боль – каждые 3-4 минуты умирающая издавала резкий стон. Они пытались заговорить с ней, звали её, но женщина уже не отвечала. Каменная маска смерти постепенно покрывала лицо, сквозь полуоткрытую щель глаз смотрели неподвижные стеклянные зрачки.

Шёл третий час. Свежесть ночи приправлялась холодным дыханием смерти. Но смерть не спешила забирать душу, словно наслаждаясь агонией. Она невидимо стояла у изголовья женщины, терпеливо ожидая своего часа.

Вдруг умирающая слабо чихнула. Потом ещё и ещё раз. Проблеск надежды?! Дочь сказала, что это повторится ровно десять раз. Действительно, умирающая чихнула ровно десять раз. Привычка сильнее человека и не изменяет ему даже в экстремальных ситуациях.

Врача не было. Ему позвонили, предупредив, что пациент умирает. Он обещал придти лишь к утру, наказав дежурной медсестре сделать укол и следить за капельницей.

Медсестра входила каждые полчаса, делала с меланхоличным видом то, что назначил врач, и, прождав ради приличия минут пять, уходила к себе в соседнюю комнату – подремать. Потом снова приходила, смотрела как по прозрачной жиле капельницы, похожей на человеческую, течёт неторопливая жидкость, трогала и поправляла стойку и саму капельницу... Он глядел вслед уходящей сутуловатой медсестре и думал, как трудно работать в этом мрачном переправочном пункте из жизни в смерть и как тяжело умирать в царящем здесь холоде и безнадёжности.

– Хорошо, что ты рядом... – прошептала ему двоюродная сестра. – Иначе я выбросилась бы в окно...

Он не ответил, продолжая сжимать в своей ладони уже сдающуюся руку. На соседних койках лежали ещё трое больных – старушкам было уже за семьдесят. Практически их ждала та же участь – просто, жизнь их, а вернее, смерть, была растянута во времени. Словно понимая это, они продолжали спать, делая вид, что не замечают присутствия в палате смерти и человеческого страдания. И лишь старушка напротив проявила участие в происходящем, подвинувшись и пригласив сходящую с ума дочь умирающей прикорнуть у себя на койке.

Он держал руку, из которой почти уже вышла жизнь, и вместо крови (умирающая страдала лейкемией) текла жидкость, выдавливаемая капельницей из себя. Эта маленькая, невесомая рука неизменно дарила окружающим радость и тепло, не уставая и не оскудевая никогда... Теперь смерть заявляла своё право на эту заботливую и любящую руку, и она медленно уступала ей.

«Отчего с такой болью разрываются невидимые нити, связывающие человека с жизнью, и почему так жестоко обходится напоследок жизнь с людьми, в которых сама жила на протяжении десятилетий? Разве она, эта добрая и безобидная женщина, заслуживает таких странных и ужасных мучений, – он держал безвольную руку умирающей в своей крепкой ладони и пытался понять, в чём секрет силы жизни, где берёт своё начало эта сила и куда уходит. – Почему человек не остаётся вечно молодым и сильным на протяжении всей отпущенной ему жизни?.. Ведь чем взрослее человек, тем беззащитней он перед жизнью. И не было бы разумнее, если бы дожив до сорока, люди умирали, а вернее, исчезали или растворялись в воздухе в расцвете сил и здоровья, чтобы никто не стал свидетелем их агонии, беззащитности, стыда и унижения перед смертью. Ведь в такие минуты сама жизнь кажется жалкой и бессмысленной...»

Когда забрезжил рассвет, подошли и другие родственники. Он вышел на больничный двор и закурил.

«Странная вещь – смерть... Как можно вдруг перестать быть хозяином своих ощущений, чувств и переживаний?.. Не владеть каждым движением тела и души... Не быть хозяином самого

себя, своего естества... Не чувствовать более себя, отречься от себя, того не желая... Превратиться в ничто – навеки раствориться в великом Ничто... Лишиться даже такого вот маленького и странного удовольствия, как потягивать эту дурно пахнущую, дрянную сигаретку... Это непонятно и ужасно...» – думал он, стараясь не слышать стенаний, доносящихся сверху.

Смерть, забрав своё, ушла. На душе оставались пустота, обида и какая-то невысказанность...

2001 г.

Правда

Волк дождался, пока пастух, спасаясь от полуденного зноя, ляжет в тени одинокого, словно случайно оказавшегося на альпийском лугу дерева, выскочил из своего укрытия в зарослях, ворвался в небольшое вялое стадо, схватил зубами за шею ягнёнка покрупнее и, деловито подсобив хвостом, словно человек рукой, взвалил его уверенным движением себе на плечо. Ягнёнок, скованный ужасом, а может, от неожиданности и сильного удивления, распластался на широкой волчьей спине, словно неживая вещь, не издав ни звука и даже не шелохнувшись. Молчало и стадо. Только одна овца, наверное, мать ягнёнка, недовольно и жалобно заблеяла...

Волк стал подниматься по холму, тяжело дыша. Это был довольно крупный и нахальный волк. Наверное, он был сильно голоден, а потому и презрел всякую опасность, напав среди бела дня в присутствии пастуха на стадо. Правда, ему казалось, что он улучил удобный момент и пастух ничего не заметил. Уже ощущая в пасти сладкую кровь ягнёнка, зверь исходил слюной. Но инстинкт самосохранения был сильнее голода и внушал волку, что для пущей безопасности следует отойти подальше от человека. И хищник, пыхтя, ускорил шаги. Сейчас он достигнет вершины холма, затем побежит вниз по склону в сторону леса и скроется вместе с добычей в гуще зарослей...

Но вдруг сверху раздалось:

– Положи ягнёнка! Это не твоё.

Волк поднял голову, не выпуская из зубов шею своей жертвы. Почерневший от солнца человек с крупным орлиным носом и недельной щетиной на скуластом худощавом лице смотрел волку прямо в глаза. Мужик был приземистый и не очень широкий в плечах, но с увесистой палкой в грубой, узловатой руке. Он не отрывал от волка требовательный, пронизывающий взгляд чёрных, с красными прожилками глаз. Опытный пастух понимал, что взгляд – тоже оружие, а в иных случаях и посильнее дубинки и ружья. Им можно внушить страх противнику, парализовать его, навязать ему свою волю.

Конечно, волк не собирался просто так сдаваться. У голодного хищника была своя правда – он должен был кушать. Кушать, чтобы жить, существовать дальше. Но у человека была, пожалуй, более убедительная и весомая правда – ягнёнок принадлежал ему, это было его имущество, он тратил на него своё время, силы и средства: кормил, защищал, растил его... Правда была даже у слабенького, полуживого-полумёртвого ягнёнка – ему, Божьему созданию, просто хотелось жить, пусть неосознанно, на этом свете. И, наверное, это была самая большая правда из всех трёх правд, самая главная правда, потому что без этой правды две другие просто лишены смысла. Но «правда жить» и «правда жизни» слишком отличались друг от друга: у бедного ягнёнка не было ни острых зубов или когтей, ни крепких мышц, ни другого какого-либо оружия и даже взгляда, передающего внутреннюю силу и способность к самозащите. И теперь всё зависело от того, какая из двух первых правд победит – волка или человека, ибо в данном случае правда была на стороне силы.

Волк инстинктивно применял естественное оружие – он посмотрел на человека исподлобья голодным и злым взглядом. Жёлтые глаза хищника потемнели от ярости, налились кровью. Не раскрывая рта, он угрожающе зарычал, вернее, заурчал, полуобнажив жёлтые клыки, с которых капала жадная слюна. Его хвост был задрян, а это означало, что зверь был вполне уверен в себе и настроен решительно.

Но и человек был не лыком шит: маленький, но с сильным взглядом, он продолжал смотреть на зверя прямо, спокойно и пронзительно. В руке у него была дубина, но волк словно не замечал её, впившись враждебными, кровавыми глазами в человека. Человек в душе уважал волка, так как, в отличие от той же коварной рыси, которая нападала, как правило, на ничего не подозревающую жертву сзади сверху, волки обычно охотились открыто, лоб на лоб. Но сейчас было не до чувств и философии...

– Это не твоё. Положи и уходи, – твёрдым басом повторил человек, выдержав грозный взгляд хищника и продолжая давить его своим суровым, пристальным взглядом.

Волк ошетинился летней негустой, серой с рыжим оттенком грязноватой шерстью, не переставая глухо рычать. Из пасти хищника текла слюна, теперь уже перемешанная с кровью

ягнёнка. Стоящие торчком уши были развёрнуты вперёд. Всем своим свирепым видом зверь пытался внушить человеку страх.

Ягнёнок, видимо, от боли, наконец очнулся и издал слабое «мя-я-я-я». Глаза у него были полуоткрыты, но не было видно зрачков, не было взгляда как такового.

– Уходи подобру-поздорову! – вновь раздался спокойный, но полный силы и уверенности повелительный голос человека.

Взгляд у волка сверкнул бессильной злобой и вдруг погас, словно перегоревшая лампочка. Он поджал хвост, отвёл уши назад и скинул со своей спины окровавленного, но ещё дышащего ягнёнка. Опустив голову и глядя прямо перед собой, волк потрусил мелкой рысцой прочь, высунув язык.

Человек бережно поднял с земли бедное животное и, неся его на вытянутых полусогнутых руках, спустился к овцам, которые, спасаясь то ли от жары, то ли от опасности, уткнулись носами в землю, спрятав головы и образовав сплошную серую массу...

2015 г.

Наивная мудрость

– Папа, когда я вырасту, ты станешь маленьким, как я? – вопрос четырёхлетнего сынишки, кажется, застал Арама врасплох.

Наткнувшись на серьёзный вопрошающий взгляд малыша, он подавил первый порыв рассмеяться и ответил с лёгкой улыбкой:

– Нет, Багратик, стану дедушкой.

Мальш призадумался и, словно сделав открытие, произнёс с откровенным удивлением:

– А потом?.. Умрёшь?..

– Да, – коротко, будто спеша скинуть с себя нечто тяжёлое, бросил Арам и пожалел об этом, увидев грустно-изумлённую мордашку сына.

Багратик печально опустил голову.

– Все люди когда-нибудь умирают, детка, – словно оправдываясь, добавил Арам и понял, что тем самым ещё больше усугубил неловкую ситуацию – ведь мысль о том, что можно исчезнуть навсегда, неприемлема для сознания ребёнка.

Мальчик больше не стал задавать вопросов, молча направился в детский уголок, в свой отдельный мирок в гостиной, где его терпеливо ожидали любимые глазастые автомобильчики разных цветов и форм.

«Да что дети! Даже взрослые порой готовы идти против реальности и дарить себе иллюзию бессмертия: будто смерть, в порядке исключения, обойдёт их, – подумал Арам под впечатлением от разговора с сыном. – Многие заботятся лишь о том, как пронести себя, своё крайне уязвимое физическое тело сквозь пространство и время в целостности и сохранности. Более того, они надеются неким волшебным образом обмануть неумолимое время. Ужасаясь небытия, абсолютной свободы, когда нет возможности потрогать, пощупать что-нибудь, они на самом деле и не живут, мучая себя страхом ожидания смерти...»

Арам невольно вспомнил, как многие годы назад, когда ему было почти столько же, сколько сейчас сыну, он стал свидетелем пышных похорон: длинную процессию сопровождал оркестр, придававший церемонии торжественность, но одновременно и какую-то неестественность, бутафоричность. Маленькому Араму казалось, будто взрослые, в том числе неподвижный человек в гробу, играют с важным видом в некую необычную игру. В этом он уверился, когда заметил, что некоторые в большой толпе, ближе к её концу, то и дело улыбаются, а один даже прыснул смешком, поспешно прикрыв рот ладонью... Смерть тогда представлялась мальчику с его ощущением безграничности жизни не только чем-то нереальным, но и... забавным. «Я не умру», – был уверен мальчик и радостно делился с друзьями и родными своим «открытием».

Будучи уже достаточно зрелым юношей, Арам, размышляя над феноменом смерти, задался вопросом, почему человек не остаётся вечно молодым и сильным на протяжении всей отпущенной ему жизни и почему с годами, в старости, он становится всё беззащитней перед жизнью, словно напоследок она издевается над своим хозяином за то, что тот безвозмездно, часто беспечно, пользовался ею в течение многих лет. Почему время, эта движущаяся пародия вечности, несёт, словно орёл жертву, в своих цепких когтях человека всю его жизнь, чтобы в конце беспощадно расправиться с ним... И у двадцатилетнего Арама тогда появилась идея: «Разве не было бы разумнее, если бы люди умирали, а вернее, исчезали или растворялись в воздухе в сорок лет, в расцвете сил и здоровья, чтобы никто не стал свидетелем их беззащитности и унижения перед смертью. Ведь в такие минуты сама жизнь кажется жалкой и бессмысленной, некой злой шуткой природы...»

Годы спустя, когда магическая для него цифра сорок подступила вплотную, Арам понял нелепость и жестокость собственной идеи...

И вот теперь его сынишка, сам того не осознавая, выдвигал, пусть и в виде наивного вопроса, собственную «теорию» жизни и смерти, а точнее – жизни без смерти, некой вечной жизни, в которой дети и их родители не разлучаются.

Арам подошёл к сынишке, взял его на руки, поцеловал в румяную щеку.

В ответ малыш, блеснув хитринкой в глазах, вновь ошарашил отца:

– Не хочу расти. Хочу быть всегда маленьким...

Это шло вразрез с общепринятым мнением о том, что дети мечтают поскорее вырасти.

– Почему? – с неподдельным удивлением спросил Арам.

– Хочу, чтобы ты всегда носил меня на руках.

Арам почувствовал внезапный прилив веселья и какого-то детского озорства.

– Но сейчас ты станешь выше меня! – с этими словами он резко поднял сына над своей головой на вытянутые руки. – Вот теперь ты большой, а я маленький...

Это внезапное и забавное действие вызвало сильные эмоции у мальчика – он разразился залившимся смехом.

Посадив ребёнка себе на плечи, Арам сделал несколько энергичных приседаний, весело приговаривая: «Теперь – снова маленький, а сейчас – большой... Маленький, большой...»

Наконец, опустив сына на пол, Арам отдышался. Мальчик, весело гикнув, побежал вприпрыжку к своим машинкам, каждой из которых он придумал забавное имя. Раздался рёв мотора, визг тормозов. «Выж-выж-выж...» – буксовали колёса, «пи-би-бип...» – сигналили автомобильчики, обгоняя друг друга, то и дело раздавался грохот аварий...

Отец с улыбкой наблюдал, как сынок с детским азартом, брызжа эмоциями, общается со своими, словно оживающими в его руках, четырёхколёсными друзьями, и вдруг сделал для себя открытие, которое, казалось, должно было быть очевидным: дети стараются наполнить *каждый миг жизни радостью и невинным удовольствием*. Именно к такому состоянию, когда каждой клеточкой чувствуешь полноту жизни, испытываешь ощущение праздника от живых эмоций, по идее, должны стремиться все люди на этом свете. Но, увы, пытаясь построить себе земное счастье, человек с годами всё крепче привязывается к мёртвым ценностям, окружая себя ненужными вещами и предметами, которые очень часто приобретаются либо из ложной экономии, лишь потому, что они дешёвы, либо из глупого тщеславия – потому, что они стоят больших денег и другим не по карману. Взрослое разумное существо настолько привязывается к своим пожиткам, как ребёнок к любимым игрушкам, что хронически боится потерять их, словно всё это принадлежало ему и ранее, ещё до появления на свет. В итоге венец творения всё больше отдаляется от истинной своей природы и всё глубже погружается в болото суеты и тревоги, где захлёбывается живая душа...

Дети же, сами того не осознавая, всем своим существом пытаются напомнить взрослым ниспосланную свыше мудрость: жить просто, радуясь каждой мелочи бытия, и не думать о скоротечном времени, которое, пожалуй, придумал для себя сам человек (неуверенный в себе и вечно колеблющийся), чтобы «планировать» свою жизнь, расписать её наперёд по часам, дабы не отстать от других, преуспеть в мире, искусственно придуманном людьми в качестве реального...

Просто жить, наслаждаясь такой уникальной возможностью, прожить, прочувствовав целиком каждое мгновение дарованной свыше жизни – ведь человек не властен над следующим мигом, который может и не настать... В этом и заключается наивная мудрость ребёнка...

2017 г.

Властелин грёз

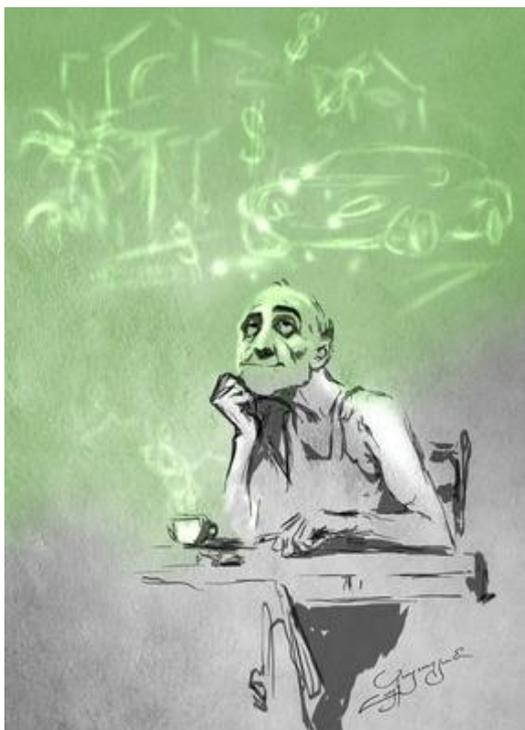

Иллюстрация Айка Саадяна

1

Существует гипотеза, что более десяти процентов жителей планеты видят только чёрно-белые сны. Славику же с некоторых пор стали сниться только цветные сны, особенно наяву.

И вот, одержимый одним из таких снов, он загорелся желанием приобрести футбольный клуб в Англии, хотя не разбирался в этом популярном во всём мире виде спорта и знал всего несколько названий самых известных, так называемых топовых клубов, о которых просто невозможно было не знать, потому что они были вечно у всех на слуху. Свою будущую команду, словно бросая вызов самим родоначальникам футбола, Славик решил назвать «Британия – Лондон». Вот так бесхитростно и с откровенной прямоотой, но всеобъемлюще и масштабно.

«А ведь до меня никто не догадался! – поздравил себя Славик. – Всё гениальное – просто...»

Славика не только не смущало, что он совершенный профан в этом деле, но и, наоборот, подстёгивало, так как он видел лишь праздничную сторону дела. И вот он уже представлял себе, как с элегантно лёгкостью размахисто подписывает огромные суммы на чеках, чтобы заполучить лучших игроков и самых именитых тренеров. Результат не заставляет себя ждать: команда одерживает одну победу за другой, удивляя многолетних фанатов знаменитых клубов. Имя загадочного владельца клуба не сходит со страниц мировых газет и журналов. Его осаждает горлопанящая толпа фанатов, требующих осчастливить их автографом... Славик аж зажмурил глаза от лучей ослепительной славы...

В его воображении Лондон был тем волшебным местом, где воплощаются в жизнь самые невероятные фантазии. В далёкой провинции, в трёх тысячах километров от города мечты, он предвкушал всевозможные прелести большой столичной жизни. Перед его глазами стояли во всей сияющей красе дорогие машины, роскошные особняки, величественные виллы, картинные пляжи лучших мировых курортов, длинноногие фанатки в коротких юбчонках, джакузи, золотые унитаза

и прочие изыски богатой жизни... А что на этом фоне кредиторская задолженность – подумаешь, всего лишь пара десятков тысяч долларов...

«Фи! – Славик презрительно, словно докучливую муху, отогнал от себя непрошеную мысль. – Я своим лучшим игрокам за одну игру больше буду давать...»

2

Да, у Славика не только не было и гроша за душой, но он давно погряз в долгах... Однако это не мешало ему, а, наоборот, побуждало строить самые крутые планы. Но в отличие от пчелы, которая для производства мёда облетает миллионы цветков, преодолевая многие километры, Славик предпочитал витать в сладких грёзах, не отходя от воображаемой кассы... А ведь он не всегда был таким трутнем-мечтателем...

Всё началось с провала собственного бизнеса. Ещё года три назад Славик был достаточно преуспевающим предпринимателем – по небольшому полупровинциальному городу были расчётливо разбросаны его пять магазинчиков одежды и обуви. Он закупал товар оптовыми партиями в столице, привозил и сбывал по цене, позволяющей покрыть дорожные расходы и постепенно гасить внушительный 20-процентный кредит, взятый у частной компании «Тенета» для налаживания предпринимательства, которое раньше заклеямили бы бичующим словом «спекуляция», а сейчас, в условиях «рыночных отношений», уважительно называют «бизнесом». Новоиспечённый бизнесмен не только своевременно выплачивал кредит, но и охотно одалживал деньги друзьям и знакомым, которых у него было много. Он обрёл имидж уважаемого предпринимателя, и это очень льстило ущемлённому в детстве самолюбию молодого человека, родители которого, едва сводившие концы с концами, вынуждены были отдать его, пятого ребёнка в семье, на попечение пожилых родственников, у которых не было собственных детей.

Окрылённый успехом, Славик между делом уже думал о создании собственной семьи, и невеста, дочь одной из его постоянных клиенток, не заставила ждать преуспевающего жениха. Молоденькую красавицу успешно сосватали Славика, наделив её, как принято в таких случаях, неземными добродетелями. Свадьбу сыграли пышную. Поздравления и добрые пожелания рекой лились на молодых, на лебединой шее невесты сверкали, словно подмигивая участникам торжества, золото и бриллианты... Но красавица оказалась роковой, и уже через три месяца новобрачные... развелись. Благоверная, не без науськивания матери и родственников, требовала от Славика немедленно обеспечить ей (и не только ей) неземной рай – сад земных благ и наслаждений. Он старался как мог, не жалея сил и средств, но тут, как назло, навалился мировой финансово-экономический кризис, покупательская способность людей резко снизилась, бизнес стал дышать на ладан, а Славика надо было возвращать кредит... В общем, трещина в личной жизни и бизнесе произошла почти одновременно. Благоверная ушла, унося на своих хрупких плечах половину состояния несостоявшегося мужа-бизнесмена...

3

Надломленный Славик выбился из колеи, ему стало не по силам вовремя погашать долг, пошли штрафные санкции. Штраф начислялся довольно внушительный – один процент за каждый день просрочки. То и дело звонили из банка, сначала вежливо предупреждали, потом стали грозить отъёмом имущества и прочими карами.

Славик несколько раз обращался к руководству «Тенеты» с просьбой подождать немного, пока дела поправятся, не назначать штрафы, жалуясь при этом на несообразность штрафных санкций. Однако навстречу ему не пошли, наоборот, стали давить через суд. Вскоре делом занялись судебные приставы.

Как законопослушному гражданину Славика пришлось снять все оборотные средства и свернуть бизнес. Однако пока он пытался продать свои торговые объекты, задолженность росла. Пришлось отказаться и от автомобилей – не торгуясь, он сначала сбыв легковушку, а затем и грузовичок, на котором привозил товар для реализации. Ему едва удавалось погашать штрафы и проценты... Славик уже выплатил на четверть больше основной суммы кредита, но зловещий долг неумолимо подбирался к дому, доставшемуся ему в наследство от приёмных родителей, которые с

разницей в неполный год покинули этот свет, едва их воспитаннику исполнилось двадцать. Словно муха, бьющаяся в паутине в попытках выбраться, Славик всё больше запутывался в сетях «Тенеты».

Он ложился не раздеваясь, не засыпал до утра, ворочаясь в постели, иногда вскакивал посреди ночи от мнимого звонка, бредил, часто повторяя одну и ту же фразу: «Нет, нет... Это невозможно! За что?..»

Ему казалось, что все устроили заговор против него: и кредиторы, и судьи, и даже сами клиенты, чтобы искусственно загубить его бизнес, обобрать до нитки, отнять его последнее пристанище.

Славик стал писать жалобы в высокие инстанции, требуя защитить его права и интересы. «Меня обманули, ограбили среди бела дня! Требую восстановления справедливости, защиты моих гражданских прав, возмещения материальных потерь, компенсации нанесённого мне морально-психологического ущерба, наказания виновных...» – перечислял он.

При этом Славик заверял, что заплатил вдвое больше положенной суммы. А последний взнос, утверждал он, загадочным образом не дошёл до адресата. «Аргументами» выступали и другие, часто сиюминутные эмоции, основанные на полном или частичном искажении фактов. Кредиторы же приводили свои аргументы, холодные и весомые, где не было ничего личного и лишнего. Тем временем отрицательные ответы судов на его заявления всё больше укрепляли подозрения Славика в заговоре против него...

Многочисленные друзья и знакомые пропали, словно их сдуло порывом ветра. Некоторые из них исчезли вместе с невозвращёнными долгами. Славик, будучи обманутым, брошенным и забытым всеми, горел от обиды и тоски. Думая о своей печальной участи, он жалел, что человек не способен перемещаться назад во времени, так как очень хотел вернуться назад, к той роковой черте, после которой начались его несчастья, и предотвратить фатальные ошибки. Злой на весь мир, он погружался в чувство безнадёжного отчаяния, от которого можно было сойти с ума. Порой посещали мысли о самоубийстве, которое позволило бы вмиг покончить со всеми проблемами. Но Славик панически боялся самого процесса смерти: неимоверной боли от падения с высоты или самосожжения, тяжелейших ощущений при давлении петлём, мучительных конвульсий от яда ...

В голове два голоса вели диалог. «Ну, допустим, нашёл безболезненный способ, – говорил первый голос, – а что дальше: вечная пустота, чистилище, ад?..»

«Вот именно – если бы знал, что попаду в рай, то медлить не стал бы», – отвечал второй...

4

Но вдруг всё как рукой сняло.

Проснувшись однажды от нежного щекотания солнечного лучика, робко проникшего сквозь щель плотных занавесок, Славик почувствовал себя необычайно легко.

Он бодро встал с постели, сделал глубокий вдох, потянулся всем телом, расправляя затёкшие шею и плечи, похрустел пальцами и шейными позвонками. Раздвинув тяжёлые запыхавшиеся шторы, Славик зажмурился от яркого света и в недоумении замер, словно впервые в жизни заметил красоту восходящего солнца. Природа сбрасывала последние оковы ночи. Пробуждающиеся под живительными лучами могучего небесного светила деревья, цветы, травы обретали свой натуральный вид и естественную, яркую окраску. Беззаботно-радостные трели невидимых птиц возвещали о наступлении нового дня...

Казалось, только сейчас Славик понял, что всё происходящее за тонкими стёклами окна касается и его. Чья-то невидимая рука сняла ирреальную, но вполне ощутимую удавку с его шеи, вычеркнув из памяти недавнее прошлое вместе с мучавшими его проблемами и тревогами. Он почувствовал себя совершенно другим человеком. На душе вдруг стало радостно и светло. Но, увы, как оказалось, это был необычный, слишком яркий свет лампочки, который появляется при перенапряжении в электрической сети и грозит перегоранием или взрывом...

Будучи не в силах справиться с навалившимися проблемами, Славик инстинктивно отстранился от враждебной ему реальности и ушёл в мир живописных иллюзий и фантазий. Здесь он был властелином собственных грёз, неким чародеем, одним движением мысли которого

исполнялись самые немыслимые мечты... Именно в это необычное лучистое утро Славик озарился идеей стать владельцем успешного английского клуба...

Он достал из массивного шкафа позабытые галстуки, выбрал самый яркий. Из нереализованных запасов сорочек Славик выделил самую модную и дорогую – ведь теперь он хозяин жизни и должен выглядеть соответствующе.

Сбрив месячную щетину, Славик не узнал себя в зеркале – настолько бледным и осунувшимся было его лицо. Но взамен у него появился воинственный огонёк в глазах, а заострившийся подбородок горделиво вздёрнулся.

Славик приоделся, приосанился и вышел на улицу. С непривычки после многодневной тишины замкнутого пространства ему заложило уши, слегка кружилась голова, но взгляд его был твёрдым и уверенно-холодным. Шагая по улицам, он не смотрел себе под ноги, а поверх голов людей, словно видел вдали нечто такое, чего не видели другие. При этом Славик то и дело заговаривал с кем-то невидимым, доказывал что-то, подкрепляя свои доводы властными, не допуская возражения жестами...

Такие прогулки стали для него ежедневной привычкой. Возвращаясь домой, он принимал новую для себя, барскую позу: откидывался расслабленно на спинку кресла и клал ноги на журнальный стол. Так было удобнее строить свои амбициозные планы. Он задумал даже подправить своё имя – по паспорту он был Славик, а станет Слава. Так будет звучать солиднее – прибавится «славы»...

Славик, без преувеличения, перестал отличать грёзы от реальности, он жил в своей идее, и она целиком управляла его поведением в искусственно созданном, причудливом мире. Говоря иначе, он лихо скакал на мёртвой лошади, не осознавая того. Правда, иногда приходилось спешиваться и признавать жестокую очевидность: чтобы долететь до Лондона для начала необходимо найти хотя бы 300 долларов на билет. Но он быстро отгонял от себя мрачные мысли и снова прыгал в седло, чтобы помчаться дальше. Фантазии росли, с каждым часом Славик становился на новую ступень своих больших мечтаний... Вот его принимает сама королева Англии, наслышанная о невообразимых успехах его клуба, и награждает почётным орденом...

Казалось, это апогей воображения, но не тут-то было. Легко преодолев первые барьеры на пути своих мечтаний, Славик пошёл дальше – он возомнил себя... спасителем мира.

5

Славик был уверен, что только его собственное сознание способно решать глобальные проблемы. И он стал «изобретать» – разумеется, в своём воображении – концепции по борьбе с терроризмом, ядерной угрозой, финансово-экономическими кризисами, наводнениями... От системы антицунами он перешёл к «разработке» новых технологий по обезвреживанию невзорвавшихся со времён второй мировой войны бомб...

Окрылённый своими «ноу-хау», Славик писал электронные письма с пометкой «Срочно! Лично в руки!» президентам и королям разных европейских стран, уверяя, что создал не имеющие мировых аналогов системы, способные оперативно выявлять и локализовывать современные глобальные угрозы.

«Я генератор бесценных идей, – писал Славик главам и послам государств. – В судьбоносный момент Господь послал Вам нужного человека для помощи в борьбе с поднявшим голову мировым злом. Надеюсь, Вы со всей серьёзностью отнесётесь к моим концепциям и поможете реализовать их».

Он предлагал пригласить его в европейские аналитические центры и ведущие университеты для прочтения лекций по угрозам современного мира и национальной безопасности. При этом Славик обещал приехать к королям, президентам, премьер-министрам не с пустыми руками, а с щедрыми подарками, в том числе с майками собственного, эксклюзивного производства с их изображениями, книгами про них и живописными портретами в своём исполнении... Он даже готов был установить им памятник на их родине, изваянный «собственноручно, талантливо и от души».

В конце письма Славик неизменно благодарил своих адресатов «за оказание высокой

поддержки в реализации важнейших для человечества проектов» – как за уже свершившийся факт.

А когда внутренний голос однажды спросил: «А вдруг пригласят?», Славик, не моргнув глазом, ответил несколько обиженным тоном: «В чём проблема, дорогой? Разве трудно за пару дней всё подготовить? Взял и скачал из интернета, немного видеоизменил, и всё готово...»

Разумеется, короли, президенты и премьер-министры не отвечали Славику, и тот считал их равнодушными и примитивными функционерами, не желающими и не способными осознать полёт его мысли...

Вместе с тем Славика всё больше терзали подозрения. Ему казалось, что все его идеи перехватываются кем-то и немедленно осуществляются как собственные...

6

Славик очнулся в крохотной белой комнатке с форточкой вместо окна под самым потолком. Он с трудом оторвал голову от подушки, сел в оцепенении в жестковатой постели на грубой железной кровати. В давящей, готовой лопнуть тишине Славик пытался понять, как сюда попал. Но голова была ватная, никак не «включалась». Первое, что пришло на ум – инопланетяне похитили его как гениальный экземпляр человека и забрали половину его мозга для проведения исследований.

Но вскоре, по всей видимости, ему вернули второе полушарие мозга, и он вспомнил, как накануне пытался вломиться в двери к соседям с верхнего этажа, у которых, как ему показалось, поселились внеземные существа, выкачивавшие с помощью специального устройства у него идеи, чтобы затем использовать их против землян. Далее всё происходило словно не с ним. Славик как бы со стороны видел, как ему заламывают руки и ведут к машине с проблесковым маячком, заталкивают туда. Как потом развивались события – он никак не мог вспомнить...

Психиатры вынесли экспертное заключение о том, что Славик «не может понимать значения своих действий и руководить ими». На основе этого суд принял решение о его временной недееспособности. Славика признали банкротом, списали долги, простив набежавшие проценты и штрафы.

Вместе с исчезновением основного источника стресса потихоньку отступила и болезнь. Правда, врачам потребовались недюжинные коллективные усилия, чтобы окончательно спустить Славика на землю и убедить его жить по-человечески, просто и без лишних затей...

2017 г.

Преодоление

Посвящается подруге жизни

Иллюстрация Айка Саадяна

Поначалу показалось, что это обычная слабость от уже ставшего привычным перенапряжения на работе. Работал Он, как говорится, на износ, стараясь успеть всё, будь то аналитическая статья, художественный рассказ, редактирование текста или банальная починка протекающего крана на кухне. Спать ложился за полночь и заставлял себя просыпаться до восхода солнца, чтобы как можно полнее и эффективнее использовать вечно не хватающее время – единственный невозполнимый ресурс в жизни человека. Но стальная воля, увы, это не стальные нервы и сосуды, и рвётся там, где тонко. Первыми напоминали о себе старые раны, которые вроде бы давно зарубцевались, но поражённый нерв часто ныл, как бы жалуясь, когда Он особенно усердствовал, либо погода резко менялась или наваливался какой-то неожиданный стресс. До сих пор Он «слышал» резкие звуки сначала левой рукой, потом уже воспринимал слухом: раненая рука спешила реагировать на электризованную болью, словно происходило короткое замыкание в сети...

На этот раз всё было по-другому – к ослабевшей руке (левая кисть безвольно повисла) прибавилась и нога, которая попросту отказалась держать остальное тело, быть ему опорой. Благо, диван был рядом, и Он присел на него, пытаясь осознать происходящее. При этом всё ещё надеялся, что это привычное переутомление, и растревоженные раны всего лишь напоминают о себе, требуя должного внимания и уважения. Посидев с минуту и собрав волю в кулак, Он поднялся с дивана, сел за компьютер и продолжил работу над очерком. Минут через сорок вышел на балкон передохнуть и подышать свежим воздухом. Тут левая нога вновь дрогнула. Доковылял до кровати в спальне и прилёг.

Левая сторона тела, от предплечья до ступни, словно была забита ватой. Кисть скрючилась, онемевшие пальцы шевелились с трудом.

Он решил не тревожить домашних, которые на кухне всюю готовились к встрече Нового года. Дети, весело щебеча, помогали маме накрывать праздничный стол. Не хотелось портить им

настроение. Вместе с тем не терпелось доказать самому себе, что ничего экстраординарного не произошло...

Напрягая волю, Он встал и, стараясь не выдать своё состояние, организовал вместе со старшим сыном шашлык на балконном подвесном мангале. Сел с семьёй за предновогодний ужин, поднял тост за наступающий Новый год, пожелал всем мира, счастья и здоровья, но не стал пить, а лишь пригубил бокал вина. Предчувствие не обмануло – самостоятельно встать из-за стола не сумел...

Свой пятидесятый Новый год Он встречал в больнице. В последний раз, почти четверть века назад, Он лежал в стационаре военного госпиталя с огнестрельными ранениями. Восстановился относительно быстро и после этого ни разу серьёзно не болел. В душе Он гордился своим железным здоровьем, которому, казалось, не были страшны никакие испытания... Сейчас, двадцать пять лет спустя, инсульт ударил по старым ранам, «оживив» их...

Словно это было вчера. Перед глазами встал худой бородатый человек с несколько уставшим, но твёрдым и решительным взглядом. Глядя на фотографии тех лихих лет, вряд ли кто-либо узнал бы его – ведь сегодня Он выглядел чуть ли не моложе, чем четверть века назад...

Август 1992-го выдался жарким во всех смыслах. На северо-восточном направлении фронта шли ожесточённые бои, позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. На одном из участков противник, используя своё значительное численное преимущество, «взял в мешок» небольшой отряд самообороны. Завязался горячий бой. Горсточке отчаянных бойцов удалось прорвать вражеское кольцо и углубиться в лес. С перебитой автоматной очередью рукой Он преодолел несколько километров, оставляя за собой нескончаемый кровавый след. Потом удивлялся, как хватило крови на весь этот путь, ведь невозможно переключить организм на режим «холостого хода», как это делает опытный водитель на определённых участках дороги, экономя бензин. Но всё же чудо состоялось – выжил... В госпитале, преодолевая нестерпимую боль, отвоёвывал у смерти миллиметр за миллиметром своё пространство. Единственно шевелящийся на левой руке большой палец обнадёживал...

Сейчас, накануне своего пятидесятилетия, Он вновь лежал на больничной койке, но уже с полностью отключившейся левой стороной тела. Это было почти дежавю, словно кто-то отмотал время на двадцать пять лет назад... Удивительно, но вновь замаячившая на горизонте смерть несколько не страшила, Он думал только о семье, детях. А ещё жалел, что может не завершить главную в своей жизни книгу, которую готовил много лет и должен был вот-вот сдать в издательство...

Из раздумий вывела супруга, круглые сутки ни на шаг не отходившая от него.

– Что-нибудь надо?

– Нет. Приляг, отдохни. Сильно устала?

– Нет, что ты?..

В эти дни Он в буквальном смысле слова опирался на её хрупкое, но сильное и надёжное плечо, как раненый боец на плечо медсестры. В каждом её движении, вольном или невольном, были преданность и забота. Минувшей ночью, когда Он неловко и с шумом повернулся в кровати, прикорнувшая рядом на стуле супруга в инстинктивном, каком-то самоотверженном стремлении помочь, ещё даже не успев открыть глаза, отчаянно потянулась всем телом к нему с вытянутой вперёд рукой и приглушённым криком-вопросом: «Что?!».

Это было конкретное воплощение понятия «моя половинка». Подруга жизни, в самом деле, стала в трудный час его половиной, составив одно целое с ним, чтобы не дать упасть в прямом и переносном смысле. Две жизни словно слились в одну для выживания. В этом, наверное, и заключается счастье, когда в большом, всепоглощающем чувстве растворяются границы между двумя разными людьми, и они превращаются в единое гармоничное целое. Вместе с тем очевидно, что для доказательства любви и верности не обязательно идти с милым на край света, а достаточно просто находиться рядом в минуты удачи и невзгод, делить с ним радость, добавляя положительных эмоций, и брать в случае необходимости часть боли на себя...

Он сделал для себя ещё один вывод: «милым» становятся не только после смерти. За первые дни болезни его посетили десятки людей – не только родственники и друзья, но и знакомые – близкие и не очень. Некоторые из них сами недомогали, но его болезнь подняла их на ноги, они буквально встали с постели, забыв на время свои хвори. Были среди них и инвалиды, боевые товарищи – они на костылях пришли поддержать его. Это было предметное доказательство

правдивости изречения: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Сам Он в своё время многим протягивал руку помощи, по первой просьбе и бескорыстно, не ставя различий, и теперь каждый напоминал ему об этом, стараясь внести свою посильную лепту в его выздоровление – кто-то приносил еду, соки, лекарства, а кто-то подбодрял добрым словом, которое, казалось, обладало особым исцеляющим свойством...

Да, самое дорогое в этой жизни – естественное тепло, исходящее от людей, от их живых, не зачерствевших душ. Мощный эмоциональный фон сочувствия и поддержки, сформировавшийся от любви и заботы множества людей, словно спасительный кислород для задыхающегося, позволял преодолеть тяжёлый недуг и быстрее возвратиться к жизни...

2018 г.

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Сон

Иллюстрация Альберта Саркисяна

– Вот уже целый час мы говорим о войне, но меня так и подмывает спросить: «А всё-таки, что такое война?»

Карен, боец отряда самообороны, устало посмотрел на молодого развязного журналиста, который находился на передовой впервые, а потому донимал его всевозможными вопросами.

– Можно по-разному определять войну, – не сразу начал Карен, старательно набивая табаком самодельный бумажный патрон. – Ну, к примеру, это – грохот разрывов, шум моторов, боль, крики, страх и, наконец, смерть, вечно крадущаяся по пятам и выбирающая подходящий момент для того, чтобы выхватить тебя из жизни... Но всё это, пожалуй, лишь атрибутика войны, а сама смерть – наёмный служака и временная приспешница войны... О войне я думаю как о реальном существе и давно пытаюсь понять, а вернее, разоблачить это существо... Знаешь, на передовой и философом немудрено стать.

Карен взял уголёк из тлеющего костра, зажёл им самокрутку и глубоко затянулся. Почти треть сигарки вмиг превратилась в пепел.

– Недавно сон такой странный приснился, как раз в ночь перед боем. Снилось незнакомая мрачная местность. Кругом – тишина, вернее, какая-то приглушённость, словно после близкого разрыва артиллерийского снаряда. В небе абсолютно нет никакого движения: ни птиц, ни бабочек... Кажется, всё вокруг вымерло.

Затаив дыхание, слежу из окопа за пригорком напротив. Оттуда должен появиться воображаемый противник. Палец застыл на курке автомата, мышцы напряглись, какой-то липкий страх (хотя трусом себя не считаю) постепенно овладевает мною. Конечно, понимаю, что всё происходит во сне, однако это не успокаивает меня, наоборот, внушает, что враг, созданный во сне моей фантазией, будет необычен, чудовищен.

И вот наконец появляется он... Тощий, с хлипкими, словно плети, безвольно свисающими руками. Спускался он вяло и рассеянно-задумчиво по склону холма – совсем не страшный, и даже вызывал жалость нелепым видом своим. С застывшим, словно у слепца, взглядом брёл он прямо на меня, ворча что-то себе под нос. Тут я не выдержал, встал во весь рост и расхохотался.

– Эй, раззява, прибавь-ка ходу! – крикнул я, в шутку целясь в человечка.

Человечек вздрогнул от неожиданности, опешил, но, опомнившись, вдруг резко оживился, скривил губы в злорадной улыбке и, вытянув перед собой руки, готовый схватить всё, что попадётся на пути, пошёл на меня скорым шагом.

К глубокому моему изумлению он увеличивался с каждым шагом, заслоня собою горизонт, а когда приблизился вплотную (в это время я словно пригвождённый застыл на месте с онемевшим пальцем на курке), то с ужасом увидел перед собой не человека, а лишь частицу его – желудок, правда, громадных размеров...

Я полетел – сначала вверх, потом куда-то в бездну, в темноту, и не сразу понял, что нахожусь внутри этого Существа. В крошечной тьме бегали такие же, но крошечные желудочки на тоненьких ножках, с крохотными автоматами в руках – приспешники и слуги Существа. Наскакивая в темноте друг на друга (я наблюдал всё это как хозяин сна, видел себя как бы со стороны, сам оставаясь незамеченным для других), существа эти кричали: «Где он, где этот фраер с ружьём?!» И вот, с омерзением почувствовав чьё-то липкое прикосновение, за которым на вздохе облегчения последовал удовлетворённый, злорадный возглас: «Вот он! Я нашёл, я поймал его!» – я открыл глаза, и пробуждение вырвало меня из тьмы...

Карен затянулся и, выпустив из себя дым, задумчиво посмотрел вдаль. За холмами приглушённо грохотала канонада. Тоненькие блики-змейки от разрывов рассекали холодное и безучастное небо...

– Если бы я сразу догадался, с кем имею дело, то, бросив автомат, бежал бы куда глаза глядят. Убежал бы ещё тогда, когда Существо только показалось из-за пригорка, было маленьким и хилым, не успело раздуться до невероятных размеров... Но было уже поздно: оно почуяло, увидело человека с ружьём, беспечного и самоуверенного, и это взбудоражило его... А существо это и есть Война, в которую мы вовлечены вопреки своей воле и конца которой так страстно ждём. Но пока в руках у людей автоматы, они слабее войны...

– Однако при чём тут этот странный желудок? – спросил журналист.

– Вот и я до сих пор пытаюсь понять это... Быть может, полуголодное состояние и язва, последние дни не раз напоминавшая о себе, воспалили моё воображение?.. А впрочем, если война – явление противное человеческому разуму и душе, то не желудок ли в таком случае, вечно голодный и ненасытный, не эта ли прорва движет войной, являясь скрытым её мотором?.. Кто знает?..

Давно уже пора отдыхать. Уложив, словно ребёнка, автомат, Карен ложится рядом. Он спит лишь одним глазом... Ранним утром – в бой.

1993 г.

Спасённая мелодия

В основе рассказа реальные события начала апреля 2016 года, вошедшие в историю многолетнего азербайджано-карабахского вооружённого конфликта как «четырёхдневная война». Имена и фамилии персонажей, а также некоторые географические названия изменены.

1

Годикам к шести Зара неожиданно проявила способности к музыке, загорелась страстной детской мечтой играть на фортепиано. Удивлённые родители, в роду у которых никогда не было музыкантов, записали её в кружок. Папа купил у знакомого за приемлемую цену старое, но вполне сохранившееся ещё с советских времён пианино «Беларусь». Зара была на седьмом небе от счастья. Однако добротный инструмент нуждался в настройке. Папа договорился с настройщиком на субботу, выкроив свободное от военной службы время.

К полудню субботы настройщик явился, но хозяина дома не оказалось – ночью в оперативном порядке он выехал на передовые позиции, где резко обострилась ситуация и была объявлена боевая тревога №1. Зара об этом не знала – мама не хотела омрачать ей праздник...

Первым делом настройщик, голубоглазый пожилой мужчина с широким открытым лбом и аккуратно подстриженной бородкой на мягком подбородке, откинул клавиатурную крышку и сыграл несколько гамм.

«Расстроилось наше пианино. Ноты выскакивают», – с видом врача, ставящего диагноз, произнёс настройщик, повернувшись с напряжённым лбом вполоборота к Заре и продолжая слушать правым ухом выходящий из-под собственных гибких пальцев звук.

Затем он встал, с таинственным видом раскрыл свой чемоданчик и стал выбирать инструменты: ключи, отвёртки, плоскогубцы, камертон. Когда настройщик открыл верхнюю крышку фортепиано, заинтригованная девочка поднялась на стул, чтобы заглянуть внутрь. Не отрывая глаз, она следила за каждым движением мастера, словно за манипуляциями волшебника из сказки. Всё это было ей в диковинку и безумно интересно. Звуки настраиваемого в гостиной пианино проникали через дверные щели, разливаясь по всей квартире. Зара смотрела именинником, радовалась так, как умеют только дети, по настоящему, с наивностью и угловатой естественностью.

Едва за мастером закрылась дверь, ликующая девочка села на банкетку у настроенного пианино и осторожно, с нежностью дотронулась до клавиш. Звуки, скорее искренние, чем чистые, наполнили пространство небольшой комнаты. Тоненькие пальцы Зары шустро перебирались по клавиатуре пианино, словно обретшего второе дыхание. Девочка была счастлива, как герои исполняемых ею весёлых детских песен...

Тем временем шум войны, словно змея, вползающая в птичье гнездо, потихоньку проникал в эту беспечную, жизнерадостную музыку...

2

Пока дочь беззаботно играла в своей комнате на пианино, Астхик с тревогой слушала на кухне сообщения с передовой.

В экстренном выпуске местного телеканала диктор сообщал с нотками тревожности в голосе: «В ночь с 1-го на 2-ое апреля азербайджанская сторона, грубо

нарушив соглашение о прекращении огня, предприняла широкомасштабные наступательные действия по всему периметру линии соприкосновения войск с использованием танков, артиллерии и авиации, пытаясь прорвать оборонительные ряды нашей армии и занять стратегические позиции. Противник также открыл огонь по мирным населённым пунктам. В результате обстрела из реактивной системы залпового огня «Град» в Мартунинском районе погиб школьник, ещё двое детей получили ранения...»

На экране появились также фотографии растерзанной пожилой четы из приграничного села и беспомощной 92-летней старушки, безжалостно умерщвлённой вместе с ними.

«Звери! – вырвалось вместе со всхлипом у Астхик. – Ничего святого у них не осталось...»

Астхик инстинктивно направилась в сторону детской комнаты. Тихонько приоткрыв дверь, она заглянула внутрь. Не подозревая ни о чём, Зара продолжала увлечённо извлекать мелодии из любимого инструмента, весело напевая: «...А пока мы только дети, нам расти ещё, расти. Только небо, только ветер, только радость впереди...»

Астхик бесшумно прикрыла дверь и, борясь с подступающей новой волной слёз, вернулась к телевизору. Вскоре диктор, теперь уже с оттенком торжественности, зачитал другую информацию: «Отразив агрессию противника, Армия обороны НКР перехватила инициативу и нанесла мощный контрудар в ряде направлений фронта. Агрессор отступил, неся многочисленные потери. Карабахская сторона на данный момент уничтожила два азербайджанских боевых вертолёт, три танка, три БМП и два беспилотных летательных аппарата. Армия обороны предпринимает все необходимые меры для того, чтобы принудить противника прекратить военные действия...»

Вдруг музыка в соседней комнате умолкла. В сторону кухни потопали детские ножки.

– Мама, иди послушай новую песенку, – восторженно произнесла Зара. – Вчера в кружке выучили. Называется «Мамино и папино счастье». Папе тоже обязательно сыграю. Ему точно понравится...

Астхик последовала за ребёнком.

«У дочки папины глаза, у дочки мамина улыбка...» – заливисто пела Зара.

Астхик слушала дочку, незаметно вытирая влажные глаза...

3

Уже к полуночи ротный командир капитан Сергей Карамян был на месте службы – в отдельном стрелковом батальоне, дислоцированном неподалёку от приграничного села Анкаван. Приведённое в состояние боевой готовности подразделение заняло свои позиции на одном из самых ответственных участков обороны в северном направлении линии соприкосновения войск.

Ближе к рассвету противник начал наступление. Озаряя предутреннюю мглу огненными всполохами, артиллерийские снаряды летели с отчаянным свистом и визгом, разрешаясь неподалёку разрушительным грохотом. Сквозь хаотический шум всё явственнее слышался лязг гусениц. За бронетехникой высвечивались размытые силуэты вражеских пехотинцев.

Когда первый танк противника приблизился, Сергей дал команду гранатомётчику. Меткий удар остановил бронетехнику, однако из зыбкой темноты с шумом хлынула многочисленная вражеская пехота. Автоматные и пулемётные очереди скосили первые ряды противника. Вторая попытка штурма также была провалена.

Сергей подбодрял словом и личным примером подчинённых, 19-летних юнцов –

солдат-срочников, для большинства из которых это было первое настоящее боевое крещение. Он умудрялся в самый напряжённый момент отпускать шутки, понимая, как важно в такие минуты поддерживать боевой дух бойцов. Трещали автоматные очереди, стучали пулемёты. Снова ухнул гранатомёт – удар пришёлся по гусенице второго вражеского танка. Из траншеи раздалась возгласы ликования.

– Никогосян, ты так невежливо встречаешь гостей! – пошутил командир.

– Разве по ночам ходят в гости? Мы не приглашали их... – в тон ему ответил гранатомётчик Никогосян.

– Сколько там у них этих коробок*? – спросил командир у бойца с прибором ночного видения.

– Три.

– А что так мало?

– Третий, кажется, поворачивает назад.

– Задница-то не железная!..

4

«Противнику пришлось задействовать вертолёты, один из которых – Ми-24G – был сбит карабахскими военными точным выстрелом из РПГ-7. Командование ВВС Азербайджана сразу после этой потери приостановило полёты военной авиации в зоне боёв. Вместе с тем азербайджанская сторона продолжает активно использовать беспилотные летательные аппараты, в том числе ударные дроны-камикадзе...»

Астхик с напряжённым вниманием слушала сводки, стараясь не пропустить ни слова.

«В ответ на применение противником реактивной установки «Град», гаубицы Д-30, дивизионной самоходной гаубицы «Акация», артиллерия Армии обороны НКР активно включилась в огневое противостояние. Азербайджанская сторона, в панике от больших потерь в живой силе и технике, впервые применила на северном направлении тяжёлую огнемётную систему...»

У Астхик вдруг ёкнуло сердце. Она поспешила к дочке, обняла её. Зара заметила на её глазах слёзы.

– Мамочка, почему ты плачешь?

Астхик вытерла платочком глаза и почти виновато улыбнулась:

– Это от радости, детка... Ты так чудесно играешь на пианино...

– Разве от радости плачут, мама?

– Да, когда её очень много...

Но тут она не сдержалась и, прикрыв лицо платком, вышла из комнаты, чтобы дать волю настоящим, мучающим её чувствам. В ушах у неё отчётливо звучали слова мужа: «Береги Зарочку...» Прощался Сергей спокойно, без тени тревоги на мужественном, с косым шрамом через всю щеку лице и даже напоследок широко улыбнулся, стараясь приободрить её и внушить, что повода для беспокойства нет. Однако непостижимое женское чутьё подсказывало иное...

5

Изначально противник планировал прорывать защитные ряды карабахцев штурмовыми группами пехоты при поддержке массированного артиллерийского огня и ударов авиации, натиска танков и другой бронетехники. Однако азербайджанские

подразделения наткнулись на крепкие оборонительные позиции, неся ощутимые потери в живой силе и технике.

Не сумев проломить линию обороны на участке роты капитана Карамяна, противник пошёл на обходной манёвр: спецподразделение проникло в окопы с левого фланга. Там завязалась яростная рукопашная схватка. В ход пошли приклады, штык-ножи, кулаки... В пылу борьбы карабахский сержант Арман Гарибян, владевший языком врага, успел заметить в стане противника людей, выражавшихся на непонятном ему языке. Они были постарше остальных, некоторые с бородами. Позже, выжив в этой смертельной бойне, он узнал, что на стороне противника воевали также подразделения турецкого спецназа и наёмники из ближневосточных стран, имевшие опыт боевых действий в составе международных террористических организаций. Впоследствии анализ увиденного на поле боя убедил его в этом: в ряде мест азербайджанские военные, несмотря на отсутствие огня с карабахской стороны, не предпринимали никаких попыток забирать тела погибших, оставляя их лежать на поле боя несколько суток, а на других участках любой ценой, рискуя жизнью, старались немедленно вытащить под огнём трупы, иногда применяя верёвки, тросы с крючьями и другое снаряжение. Очевидно, был жёсткий приказ – не оставлять на поле боя тела погибших иностранцев – у армянской стороны не должно было быть фактов, подтверждающих их участие...

Тем временем, узнав о нападении с фланга, ротный отправил на подмогу своим бойцам наиболее подготовленных ребят, сам продолжая руководить отражением атаки с фронта.

Вдруг, пожирая с нарастающим воющим свистом воздух, огромный огненный снаряд ударился о бруствер...

6

Сергей Карамян очнулся после семи дней комы в госпитале. Взорвавшимся снарядом его завалило землёй, похоронив заживо. Но в этой смертельной неразберихе бойцы сумели раскопать командира и ещё двоих солдат.

Сильный, натренированный организм позволил Сергею выжить при многочисленных осколочных ранах, каждая из которых сама по себе была очень опасной. В один миг у него даже остановилось сердце, однако фронтовым врачам удалось реанимировать его и довезти до госпиталя. Сергею зашили печень, сделали остеосинтез, соединив отломки костей руки, нейрохирурги прооперировали гематому в голове...

В госпитале Астхик не сразу узнала мужа, обёрнутого в бинты. Тот ещё не говорил, почти не слышал, но улыбку сумел изобразить на бледном, крайне исхудалом лице, вернее в уголках бескровных губ и полуоткрытых глазах с обгоревшими веками. Именно по этой вымученной и одновременно естественной улыбке Астхик узнала его.

– Как Зара? – первое, что выдавил из себя Сергей.

– Она и не поняла ничего, – после паузы ответила Астхик. – Все эти дни только и делала, что играла на пианино...

На изрезанном свежими шрамами лице Сергея появилось чувство, похожее на умиление. Еле слышно он произнёс:

– Ребята постарались...

Послесловие

Да, ребята постарались на славу! На Сергее Карамяне словно были запечатлены все ужасы этих четырёх лихих дней. Сам же он, кажется, символизировал собой стойкость и

непоколебимость маленького края, израненного, измученного, но не сдающегося и продолжающего бороться за своё достойное будущее.

В этих четырёх днях, казалось, была сконцентрирована вся злость, ненависть и жестокость противника, но одновременно и бессилие, ибо вновь преимущество в вооружении и живой силе оказалось беспомощным перед высоким духом защитников родины и исторической правдой. Против специально подготовленных азербайджанских подразделений, подкреплённых наёмниками-террористами, воевали в основном 18-20-летние парни, солдаты-срочники, многие из которых пали смертью героя, отражая коварное нападение противника. Тем самым они предотвратили дальнейшие массовые злодеяния против народа, против стариков, женщин и детей – пленников и заложников такого мирового зла, как война.

Встав грудью на защиту родины, эти безусые юнцы не дали смерти вторгнуться в волшебный мир музыки нашей маленькой героини – Зары, они спасли мелодию детства и мечты девочки...

*Коробка – тут: танк, бронетранспортёр на солдатском жаргоне

2017 г.

Брошенный мяч

Под незатейливым пластиковым стулом в детской комнате сиротливо лежал баскетбольный мяч. Уже больше месяца он покоился там абсолютно неподвижно, словно и не вертелся каждый день в умелых мальчишеских руках. Нет, мальчик не мог просто так бросить его, ведь мяч всегда старался быть послушным и не подвести хозяина ни во время дриблинга и передач, ни когда тот пытался делать финты, позволяющие перехитрить соперника и прорваться к его кольцу. А попав в корзину после меткого броска, он ликовал вместе с хозяином. И тот наверняка догадывался об этом, ибо мальчишки – народ весьма прозорливый и чувствительный...

Но сейчас мяч уныло лежал под стулом в детской комнате на пятом этаже, и это, конечно же, было неестественно для него. Однако всё объяснялось ужасно просто: больше месяца мальчик вместе со своей мамой не выходил из сырого подвала, служившего (как мог) жителям большого дома бомбоубежищем...

Вместо привычных трелей птиц и мирной зари утро последнего воскресенья первого месяца осени принесло жителям Степанакерта оглушительные разрывы снарядов и бомб. Вначале показалось, что это продолжение красочного фейерверка, данного накануне по случаю празднования Дня города. Но реальность оказалась жестокой, куда страшнее, чем самый кошмарный сон...

Теперь для горожан стали привычными (впрочем, к такому вряд ли можно привыкнуть) ракетные и артиллерийские обстрелы. Они велись круглосуточно: утром, днём, вечером и ночью. Мальчик, как школьный урок, уже хорошо знал, что такое «Смерч», «Полонез», «Ураган». Несущее смерть и разрушения ракетное оружие, порой цинично, словно в издёвку над людьми, прикрывалось ласковым именем – к примеру, LORA. Так, кстати, звали и одноклассницу мальчика, и он никак не мог соотнести в своей детской голове эту симпатичную, скромненькую и тихую девчонку со страшным оружием, которое с бешеным шумом крушило всё вокруг...

А беспилотник уже не казался мальчику безобидным, появляющимся по праздникам в солнечном небе самолётиком, а был зловещей хищной птицей. Когда над домом летал дрон, то это означало, что через час-другой будет ракетный удар... Взрослые, на веку которых это была уже третья война, утверждали, что нынешняя отличается от предыдущих особой жестокостью.

«Это не прежняя автоматная война, – с видом знатока утверждал плешивый дед в толстых очках на большом горбатом носу. – Сейчас всё воздух решает. Если небо у тебя не защищено, тогда пиши пропало...»

Высокий мужчина с запущенной бородой, окаймлявшей нездоровое одутловатое лицо, уверял, что сегодня тыла и передовой нет, они слились, потому что применяется современное вседостающее оружие...

«Ещё вопрос: где безопаснее – там или здесь?» – с обидой на кого-то говорил он.

Много чего нового и необычного услышал и узнал в подвале от взрослых мальчик. Его искренне позабавило словосочетание «пёс войны». Оказалось, что так именуют наёмников, которых враг призвал из разных стран под свои боевые знамёна. Их называли также «международными террористами», и это сочетание слов сильно удивило мальчика. Своим детским умом (хотя мальчик теперь стал немного ещё и политиком) он не был в состоянии уразуметь, как бандиту можно присвоить международный «статус», а простым нормальным людям – нет, из-за чего они должны прятаться по подвалам, чтобы не погибнуть от страшных бомб и снарядов...

Не понял мальчик и значения слова «беспредел», однако спросить у старших, а тем

более у мамы, постеснялся, подумав, что это неприличное, «взрослое» выражение. Здесь, в подвале, особенно в момент обстрела или непосредственно после него, взрослые (главным образом пожилые люди, не мобилизованные на фронт) не сдерживали эмоций и порой ругались при женщинах и детях, произносили «плохие» слова, наверное, сами того не замечая. И мальчик не хотел показаться смешным, задав глупый вопрос...

Дни в подвале, больше напоминавшем приют для обездоленных, проходили смертельно однообразно, как в прямом, так и переносном смысле. Люди с нетерпением ждали, что кто-нибудь, некая сила, остановит это смертоубийство. Но прошло сначала десять, потом – двадцать, тридцать дней, а войну (как выяснилось – тот самый «беспредел») никто не останавливал...

В момент обстрела, когда здание дрожало, звенело, трещало и, казалось, кричало, мама молча стискивала мальчика в своих объятиях, не то защищая его, не то, наоборот, ища в нём спасение. В таком застывшем положении они оставались ещё минуту-другую по завершении обстрела, то ли не веря, что пронесло и на этот раз, то ли ожидая нового удара...

Как и четыре года назад, отец мальчика в первый же день войны поспешил добровольцем на фронт. Тогда войну быстро остановили, на четвёртый день. Отец скоро вернулся домой и был в глазах маленького сына бесстрашным героем, защитившим его и маму от сказочного чудовища. Сейчас отец был далеко, а им приходилось спасаться в подzemелье и надеяться на счастливый случай. Но чем мог сегодня помочь отец, даже будь он рядом, если война «не автоматная», а фронт и тыл стали одним целым... Вот такими недетскими вопросами задавался мальчик.

За неполные полтора месяца нескончаемой войны мальчик, казалось, вырос сразу на несколько лет, но от этого его привязанность к мячу, брошенному им помимо своей воли, нисколько не ослабла. Мальчик сильно скучал по нему, вспоминая радость и счастливые мгновения, которые подарил ему любимый спортивный снаряд.

Ещё совсем недавно (но, казалось, очень давно, в какой-то другой жизни) после занятий в школе мальчик каждый день спешил на тренировки. Он очень умело обращался с мячом, метко забрасывал его в корзину, но не жадничал и в нужный момент отдавал пас товарищам по игре. В общем, приносил команде много всякой пользы, и тренеры перевели его в подростковую секцию – команду мальчиков, старше него года на два. Тренеры пророчили ему блестящую карьеру, и первые серьёзные соревнования подтвердили их ожидания.

Мальчик и его команда выиграли все пять матчей в своей группе, одолев соперников уверенно, с большой разницей в счёте. Мальчик заработал немало очков, ему даже удалось несколько раз забросить «круглого» в заветную корзину из-за трёхочковой линии. Ребята находились в шаге от чемпионского пьедестала и летали в предвкушении счастья от окончательного успеха. Но в финале произошло неожиданное...

Центровым противника оказался темнокожий юноша под два метра. Он был выше самих тренеров и судей, и поначалу (пока не снял спортивную куртку) казался одним из них. Ему было... четырнадцать лет, и соответствующие документы на это, наверняка, были. Но в команде соперника все были уверены, что против них выставили «липу». Длинные руки центрального легко блокировали все броски мальчика и его товарищей. Не получались и финты: необычного противника невозможно было застать врасплох. А в один момент великан грубо сфолил на мальчике, после чего тому пришлось сесть на скамейку запасных с травмой ноги. Мальчик не стал скрывать своих слёз, но не от физической боли, а от горькой обиды...

Соперник одержал победу, которая, судя по всему, была очень нужна кому-то из взрослых. Чувство унижения и несправедливости не проходило у мальчика долго. Теперь же, находясь в подвале и невольно слушая и анализируя разговоры старших, он пришёл к

пониманию того, как бывает плохо, когда взрослые бесцеремонно вторгаются в мир детей и навязывают им свои «игры»...

С воздуха на город продолжали падать бомбы, а не оранжевые баскетбольные мячи, весело отскакивающие во время тренировок от щита. Одна из бомб попала в здание школы, где мальчик днём учился, а вечером ходил заниматься в баскетбольную секцию...

Лишь на 44-й день, когда в городе почти не осталось ни одного целого здания, в зоне военного конфликта появились миротворцы. Обстрелы и бомбёжки прекратились как по мановению волшебной палочки, но зловещий вой сирены, заставляющий передёрнуться и готовиться к худшему, ещё долго стоял в ушах людей...

Наутро мальчик вышел из подвала и осторожно, старательно обходя горки осколков побитого стекла на лестничных площадках, поднялся на пятый этаж. Пройдя в свою комнату, он извлёк из-под заваленного кусками отбитой штукатурки искалеченного стула свой любимый мяч, внимательно осмотрел со всех сторон – цел ли он, и по привычке проверил его на упругость, сдавив тонкими, но сильными пальцами. Мяч выжил, остался цел и невредим, более того, был полон жизненной силы – воздуха.

Мальчик прижал мяч к груди и почувствовал прилив необъяснимой тёплой энергии. Она побежала от кончиков пальцев и, разливаясь по всему телу, пробуждала в душе былые нехитрые радости мальчишеской жизни...

2020 г.

Непрошенные слёзы

Учительница и ученик заплакали одновременно...

А ведь урок в шестом «А» классе начинался, казалось, с безобидной и даже, напротив, весьма приятной темы: «Мои любимые места в Ереване».

«Родина – это не отвлечённое понятие, – начала учительница литературы Белла Александровна. – Родина – это то место, где нам очень дорого всё: отчий дом и семейный очаг, улица, по которой ребёнком ходил в детский сад, уютный парк с ухоженными клумбами и любимой скамейкой в глубине аллеи, журчащий фонтанчик в тени плакучей ивы... Задумайтесь на минуточку, почему, куда бы мы ни уезжали на время, нас всегда тянет туда, где мы родились...»

Ученики должны были назвать свои любимые места в городе, рассказать о них и объяснить, почему они им так нравятся. Кто-то уже поднял руку для ответа.

– У меня здесь нет любимых мест! – неожиданно для всех резко выпалил Арам, не вставая с места. – Моё любимое место – это весь мой город Гадрут...

Мальчик не дал Белле Александровне осмыслить эти слова, и, нервно вобрав в себя воздух, выдохнул:

– Вы понимаете, я потерял родину?! Её отняли у меня...

Вот тут оба, ученик и учительница, разом, словно по команде, и всхлипнули. Класс на миг застыл в растерянности: дети никогда не видели свою строгую и всегда подтянутую учительницу плачущей и такой бессильной. От неожиданности она даже не успела, а может, просто забыла достать платок и вытирала слёзы тыльной стороной ладони. Арам сам же вывел одноклассников из оцепенения, обратившись надтреснутым голосом к ним:

– Если бы у вас отобрали ваш город и вы приехали бы жить к нам, разве не стали бы вы скучать по родному дому?.. Я хочу свой двор и свою школу, наш Хор ахбюр*, вода которого холодная даже в сильную жару. Ничего, кроме возвращения домой, мне не надо!

Белла Александровна была опытным педагогом и настоящим знатоком детской души, поэтому она не стала утешать мальчика, а дала ему возможность высказаться сполна, чтобы тот сам потихоньку успокоился. При этом сама она едва сдерживала очередные непрошенные слёзы.

– Мне здесь предлагали в подарок и кошку, и собаку, но я отказался, – продолжил Арам уже менее эмоционально, но всё ещё дрожащими губами и со слезами в голосе. – Мои кошка и собака остались дома, они, наверное, ищут меня, ждут меня там. Я скучаю по ним, и другие мне не нужны...

Тишина в классе стояла такая, что если бы вдруг пролетела муха, то она произвела бы эффект реактивного самолёта.

– Моя мечта – вернуться в ту жизнь, которая была до 27 сентября. Это была самая счастливая пора в моей жизни...

Арам наконец остыл и, только сейчас заметив множество уставившихся на него глаз, растерянно замолк...

– Дети мои, нет у человека ничего дороже и прекраснее родины, – тихо заговорила Белла Александровна. – А война – это самая ужасная вещь на свете. Она приносит с собой различные беды и несчастья, старается отнять у человека всё: и дом, и нажитое годами имущество, и саму жизнь, данную Богом. К сожалению, люди не придумали ещё вакцины от войны, и, наверное, каждый из нас хотел бы научиться путешествовать во времени, чтобы видеть будущее и менять прошлое, предотвращать катастрофы и делать мир лучше и добрее...

Арам унёсся мыслями, а вернее было бы сказать, полетел на крыльях своей

ностальгии, на родину. На минуту ему показалось, что всё случившееся – страшный сон и сейчас он как обычно проснётся в своей комнатке от залиvistых трелей птиц за окном, томно потянется всем телом и понежится ещё несколько минут в постели перед тем как встать, умыться, позавтракать и, накинув на спину ранец, направиться в школу...

Но, увы, действительность оказалась страшнее самого ужасного сна: в одно утро, казалось бы, обещавшее быть прекрасным и лучистым, Арам и все дети Гадрута в одночасье лишились всех этих невинных удовольствий...

Город ещё спал, когда грянули первые взрывы. О том, что всё очень серьёзно, Ангелина поняла по выражению лица мужа Сурена. Он, офицер запаса, сразу сообразил, что работает беспилотник, быстро оделся, помог жене и детям, Араму и Кристине, спуститься в подвал, а сам вышел. Только к вечеру Сурен позвонил, сказал, что находится с ребятами на позициях и посоветовал ночевать в подвале. Но очень скоро всем стало ясно, что подвалы не спасут: прицельно били реактивные системы «Град» и «Смерч», в ход пошли дроны-убийцы. Однако детей вывезли из города лишь на второй неделе, когда поняли, что война не ограничится несколькими днями, как это было четыре года назад, в 2016-ом.

Тогда тоже обстреливали и бомбили мирные города, погибли и получили ранения дети. Но сейчас всё было гораздо хуже, со звериной откровенностью и жестокостью. Теперь враг метил прямо в жилые дома, детские сады, больницы, храмы, и конца этому не было видно – каждое утро приносило вместо мирной зари и ободряющего пения птиц оглушительные разрывы снарядов и кассетных бомб. Один из ракетных снарядов разорвался рядом со зданием родной школы Арама. Ударная волна выбила окна, снесла кровлю. С жестокой очевидностью стало ясно, что недостаточно пытаться огородить от леденящих кровь звуков и кошмарных зрелищ войны неокрепшую и ранимую психику детей, а необходимо срочно спасать их только начинающуюся жизни. Малышей и всех несовершеннолетних вывезли из города. И хотя с каждым днём страшный шум войны становился всё отчётливей, а линия фронта приближалась, многие женщины и старики не собирались покидать свои дома, так как были уверены в силе своей армии и защитниках родины. Но произошло страшное и непредвиденное – город пал. Зловещим сигналом стал потянувшийся с окраин едкий дым. Он накрывал родные ещё час назад, а теперь вдруг ставшие неприветливыми и чужими улицы. Цветущий город вмиг завял, всё вдруг стало бессмысленным, мир вокруг лишился солнца, потускнел и посерел.

Не всем жителям удалось спастись. Вражеские солдаты свирепо расправились даже со стариками, которые не успели или же не захотели покинуть свои дома. Боль казалась бесконечной и неизбывной, а родина – утраченной навсегда. Вмиг порвалась связь с прошлым: оно исчезло, растворилось прямо в воздухе, казалось, и вовсе не было его. Настоящее было зыбким и словно нереальным. А будущее внезапно отодвинулось на недосягаемую даль...

Но с этим никак не хотел соглашаться мальчик по имени Арам.

– Я создам машину времени и вернусь в 26 сентября, чтобы рассеять планы этих злодеев и оставить в целостности и сохранности мой родной город, – с решительной, немальчишеской твёрдостью в голосе произнёс Арам.

– Ты обязательно соорудишь машину времени, дорогой мой мальчик, и спасёшь свой город, – ответила учительница, подавляя ком в горле. – Там у тебя и прошлое и будущее. Война заслонила их собой и пытается задушить в своих смертельных объятиях настоящее твоего родного края. Но я уверена, что город не умрёт, и ты, подобно доброму

волшебнику, сумеешь собрать в единое целое разбросанные злой рукой пазлы прошлого, настоящего и будущего своей родины.

*Хор ахбюр – глубокий родник (в переводе с армянского языка)

2021 г.

Звонящая тишина

Оказывается, битое стекло ещё долго звенит после того, как оно превратилось в грудку осколков. Нет, речь не о хрусте во время уборки этих осколков или скрежете под ногами прохожих. Эта, казалось бы, безжизненная куча стеклянной массы издаёт звуки уже при одном взгляде на неё, заставляя конвульсивно дёрнуться всем телом. Истеричный звон разбитого стекла, которому предшествует оглушительный звук взрыва снаряда или бомбы, долго ещё преследует жутким эхом людей – тех, кто выжил. Наверное, ещё и потому, что каждый раз с внезапным треском битого стекла сливаются пронзительные человеческие крики, плач и стоны...

Ночной, полностью обесточенный город был погружён в тяжёлую, можно было бы сказать, мёртвую тишину, если бы не лай собак, периодически нарушающий её.

– Не нравится мне эта тишина, – сказал Аванес, настороженно прислушиваясь, больше, наверное, к своей интуиции, чем к внешней подозрительной обстановке.

Товарищи сразу поняли его. Амаяк выключил подфарники машины. А Сергей предложил:

– Давайте хотя бы заберём кое-что из документов и фотографий.

Амаяк поддержал его.

– Да, только надо оперативно, – строговато, словно общаясь с подчинёнными, ответил Аванес.

Впрочем, когда-то, чуть больше четверти века назад, во время первой войны (вроде давно, а вроде и недавно – любой промежуток времени между войнами всегда кажется коротким), он, демобилизованный сержант советской армии, был их командиром, старшим добровольческого отряда. В наследство от той войны вместе с победой, славой и боевыми медалями всем троим достались ранения и инвалидность различной категории. А эта война, «продвинутая», совсем не похожая на первую – «война нового поколения», просто забраковала их – для неё они были негодны...

Сначала направились к зданию, где проживал Сергей. Пустой, застывший в некоем мрачном ожидании двор был завален битым стеклом. Стараясь объехать кучки осколков, Амаяк осторожно подвёл машину к нужному подъезду. Во всём доме не было ни одного целого окна. И хотя в кромешной тьме этого невозможно было заметить, но зато можно было догадаться об этом по давящему странному ощущению звонкой оголённости вокруг. Тишина казалась необычной, звонящей...

Сергей вошёл в подъезд, словно вдруг ставший чужим, неродным, и включил фонарик мобильного телефона.

– Не задерживайся, – бросил вслед Аванес.

Нужно было подняться на пятый этаж, не поранившись о бесчисленные стеклянные осколки на лестничных площадках. В некогда оживлённом подъезде, где постоянно раздавался скрип и стук открывающихся и захлопывающихся дверей, а дети, получив разрешение от родителей спуститься во двор, мчались стремглав с шумом по лестнице, словно кто-то гнался за ними, веяло безжизненным холодом. Влажный осенний ветер дул в пустые окна. На втором и четвёртом этажах двери были распахнуты настежь, а замки на них побиты. Сергей отмёл первую мысль о том, что в квартирах побывали мародёры. Скорее, спасавшиеся от обстрелов люди просто не успели надёжно закрыть двери, да и как их запереть, если ударная волна перебила замки и искорежила двери. А сквозняки из разбитых окон уже потом сделали своё дело...

Сергей осторожно открыл дверь и вошёл с чувством щемящей боли в холодную квартиру. Он осветил фонариком стены. С них на него глядели родные: дед, пропавший без вести ещё в годы Великой Отечественной войны, отец, всю свою жизнь тщетно ожидавший хотя бы весточки о его судьбе, мать, рано покинувшая эту суровую грешную

землю... Странное ощущение охватило Сергея. Казалось, все: и живые, и мёртвые – разом осиротели. Связь времён готова была оборваться, память пребывала в растерянности и недоумении – хаотически, словно тонущая, она пыталась зацепиться за что-то основательное, обнадёживающее...

Страхнув со скулы невидимую никому слезу, Сергей снял портреты со стен и положил их на тумбочку в прихожей. Затем он вошёл в детскую комнату, дрожащими руками сгрёб спортивные медали сына – единственного позднего долгожданного ребёнка, достал из шкафа его большой альбом, где хранились любимые фотографии с самого рождения.

«Неужели больше не вернёмся?» – кольнула предательская мысль.

Во дворе коротко просигналила машина – товарищи торопили его. Выходя из квартиры, Сергей прихватил и собственное фото студенческой поры – здесь он был с красивой каштановой шевелюрой и полными надежд на будущее широкими светящимися глазами...

Сигнал об эвакуации жителей поступил неожиданно. Выяснилось, что противнику удалось занять выгодные позиции и над городом нависла реальная угроза прямого артиллерийского обстрела. Во избежание многочисленных жертв было решено эвакуировать всё мирное население.

Беспокойная колонна автомобилей потянулась вон из города. Автотрасса явно не была рассчитана на столь большое количество машин, поэтому они ползли черепашиным ходом. Внешне это напоминало пробку в мегаполисе, однако общее чувство опасности подтягивало всех, никто явно не выказывал нетерпения и не думал выразить своё недовольство посредством сигнализации, а тем более объехать едущего впереди.

– Ребята, а что если вернёмся? Наверное, это паника, – сказал Сергей после того как автомобили в очередной раз застыли на месте.

– В принципе, можно пойти в разведку, – поддержал Аванес с прирождённым хладнокровием.

На том и порешили. С трудом выбрались из колонны и поехали обратно.

Ночной, полностью обесточенный город был погружён в тяжёлую, можно было бы сказать, мёртвую тишину, если бы не лай собак, периодически нарушающий её...

Заперев дверь, Сергей положил ключ в карман, с горечью подумав, что, возможно, он ему никогда уже не понадобится. С тяжёлым камнем на душе он спустился вниз, то и дело невольно вздрагивая от мерзкого скрежета битого стекла под ногами...

Ключ всё-таки понадобился. Через несколько дней горожане стали возвращаться в свои дома. Лелея после долгой разлуки встречу с супругой и сыном (женщин и детей вывезли в безопасные места ещё в начале войны), Сергей старательно собирал и выносил в больших мешках осколки. При этом он не переставал удивляться обилию последних – паркет во всех комнатах покрывал толстый слой битого стекла, словно мощной волной занесло его ещё и из соседних домов. С заново обрётённым чувством полноценного хозяина, Сергей тщательно осматривал все углы квартиры, доставал кусочки даже из-под плинтуса, вытряхивал постельное бельё, где прятались самые мелкие, прозрачные, почти невидимые, но очень колючие осколочки. Сергей успел несколько раз пораниться, однако не обращал на это внимания. Увлечённый работой, он не сразу заметил достаточно большой осколок от разорвавшегося снаряда на косяке двери детской комнаты. Сергей невольно дёрнулся всем телом, вновь перед глазами встала ужасная картина...

Враг целился в городскую электростанцию, расположенную буквально через дорогу от их дома. Первый удар «Смерчи» перелетел метров на тридцать и взорвался на

проезжей части между магазином хозяйственных товаров и многоквартирным жилым домом. Магазин загорелся и, несмотря на все усилия подоспевших пожарных, сгорел дотла. Тяжёлый серый огонь удалось потушить лишь к утру. Целые сутки пепелище курилось едким ядовитым дымом от сгоревшей краски, клея и различных лаков и химикатов.

На следующий день последовал второй прицельный удар. На этот раз он оказался точным. Город ахнул, закричал и погрузился в тьму. Ударная волна не оставила ни одного целого окна на ближайших жилых домах. Редкую квартиру обошли осколки от ракетного снаряда...

На 44-ый день бойню наконец остановили. Война притихла, перестала грохотать и свистеть, выть и рычать, как голодный кровожадный хищник, однако вышедшие из подвалов на свет Божий люди никак не могли привыкнуть к... звенящей тишине. Нет, речь не о звуках ударов града или крупных дождевых капель о стекло. Не было ни дождя, ни града, ни стёкол. Но был звон – странный, какой-то потусторонний, словно из ниоткуда ...

Окна без стёкол казались жалкими, застывшими в нерешительности слепцами, вдруг оказавшимися без поводья. А когда дул ветер, повисшие на одной петле створки издавали жалобные стоны. Но потом ветер стихал, и вновь воцарялась эта неестественная тишина. Она не давала людям покоя, от неё звенели нервы и, как птица в клетке, колотилось сердце...

Даже после того, как весь мусор войны был вывезен далеко за город, людям ещё долго мерещилось тут и там, на полу дома или на улице, битое стекло. Кто-то, мучимый бессонницей, с тревогой вслушивался в тёмную ночь, пытаясь понять, *почему и о чём* звенит тишина, *что* она предвещает на утро...

2022 г.

Скрытые резервы

День для новичков урологического отделения начинался клизмой, после чего следовали судорожные поиски свободного туалета.

Облегчившись, Аршак вернулся в палату и, растянувшись на скрипучей койке, задумчиво уставился в сизый, облупившийся от сырости потолок.

Сосед слева – Хачик, мерно посапывал во сне, а справа, уткнувшись лицом в подушку, безмолвно извивался в судорогах толстый бородатый мужчина.

В приоткрытую дверь больничной палаты боком протиснулся известный своими озорничаньями старик из соседнего отделения с дымящей папиросой в зубах. Воровски оглянувшись назад в коридор, он плотно прикрыл дверь, приложился к ней ухом и настороженно прислушался. Успокоившись, старик пружинистой походкой подошёл к столу и по-хозяйски врубил магнитофон Хачика.

В такт лихой музыке он начал производить резкие, нескромные для пожилого человека телодвижения. Тяжело пыхтя, весь в багровых пятнах, старик старательно вращал сухими бёдрами, отчаянно встряхивал седой головой, выкидывал попеременно ноги – аж до самых ушей.

Вдруг, застыв на минуту, он выпустил изо рта несколько колечек дыма и одним движением плеч сбросил с себя больничный халат. Зло вращая жёлтыми белками глаз, старик ещё быстрее и истеричнее забился в танце, одновременно сердито напевая что-то незанятым папиросой уголком рта.

Спустя минуту он сдёрнул с себя и майку.

Неизвестно, чем бы закончился этот канкан со стриптизом, но дверь с грохотом распахнулась, влетела санитарка с угрожающе поднятым совком и воинственно надвинулась на разгулявшегося старца. Тот сделал ложный выпад в сторону и, обогнув легко обманувшуюся женщину, направился к выходу, приплясывая. Однако в дверях санитарка успела-таки дать ему здоровенного тумака.

Разом смахнув со стола остатки вчерашнего ужина, пустую консервную банку, кассету и несколько книг, санитарка неистово замахала веником, подняв массивный столб пыли.

Приблизившись к койке Аршака, она бросила веник и без лишних церемоний открыла дверцу его тумбочки. Вытащив увесистый куль с фруктами, санитарка, ворча себе под нос, тщательно выбрала и отложила два самых крупных и аппетитных яблока. Затем проглотила с потрохами горсточку вишен, откусила от огромной груши, поморщилась и небрежно бросила её обратно в куль.

Ворча что-то себе под нос, она рассовала яблоки по карманам и вышла, хлопнув дверью.

– Ты что за клизму не заплатил? – спросил проснувшийся Хачик.

– Разве надо? – удивился Аршак.

– Конечно! Это ведь не входит в её обязанности – клизмами медсестра должна заниматься... А я думаю, отчего она сегодня так взбесилась?

Дверь снова грохнула – вновь появилась санитарка, теперь уже со шваброй в руке и бельём под мышкой.

Молниеносным, страшной силы рывком она вытянула из-под извивающегося бородача простыню. Бородач горизонтально взлетел и пока переворачивался в воздухе, санитарка изловчилась стянуть с подушки и наволочку. Когда же больной мёртвой птицей упал навзничь на постель, она, скомкав, бросила ему в лицо свежий набор белья. Бородач

коротко всхлипнул и высморкался в простыню.

– Он тоже не заплатил? – робко прошептал Аршак.

– Не задавай наивных вопросов! Кто тебе без этого посередине недели бельё сменит? – поучал Хачик. – Советую, дай ей немного денег – как король жить будешь.

– Неудобно.

– Дай червонец... Смотри и учись, студент!

Хачик ловко сунул деньги санитарке в широкий оттопыренный карман.

– Тикин Парандзем, это от нашего нового товарища. Он такой стеснительный... – за её спиной Хачик лукаво подмигнул Аршаку.

Тикин Парандзем, теперь само участие, перестала протирать полы, повернулась к новичку и, видимо, желая улыбнуться, нелепо скривила губы.

– Живот не болит, касатик?

– Нет.

– Ну и слава Богу!

В зыбком полумраке длинного коридора двигались две белые фигуры. Начался утренний обход. Приблизившись и увидев в щель неплотно прикрытой двери извивающегося бородача, врач приказал медсестре немедленно вспрыгнуть больному снотворного, а сам поспешно удалился.

Врач с первых дней невзлюбил бородача и отмахивался от него, как от крупной назойливой мухи. Бородач вечно ныл и брюзжал, требовал от врача показать конспект с планом его лечения, ежеминутно напоминал о Гиппократовой клятве, грозился вызвать в больницу «Скорую помощь».

Но вот уже который день врач искусно избегал встреч со своим пациентом. Однако тот не унывал: как только отпускали боли, бородач тут же вскакивал с постели и часами на корточках высматривал врача в замочную скважину.

– Завтракать идите, идите завтракать! – по утрам тягуче просил чей-то жалобный голос в коридоре.

– Да подавись ты своей парашей! – как правило, в ответ из-за двери раздавался злой бас бородача.

Так больной проводил свой досуг, пока новые приступы не валили его на койку.

Тем временем к Хачику пришла большая группа товарищей.

– А у сторожа внизу губа не дура – прямо рэкетир! – говорили они, перебивая друг друга. – Пока с каждого в отдельности по рублю не содрал – не впустил. Мисаку даже 24 рубля сдачи от четвертака дал! И все рублёвыми...

Час Страшного Суда пробил: в палату вошла хрупкая медсестра, победно неся большущий шприц с толстой туповатой иглой на конце – одной на всех! Пощады не знал никто!

Аршак, согласно инструкции Хачика, после чувствительного, надолго запоминающегося укола, сунул медсестре в карман кредитку. Но с непривычки эта вроде бы нехитрая операция была произведена с излишней ловкостью – так, что медсестра и не заметила «щедрого жеста» больного и строго-вопрошающе уставилась на него. Пришлось великодушно повторить операцию.

К полудню следующего дня настырность бородача была с лихвой вознаграждена – неуловимый эскулап наконец попал в хитро расставленные сети.

– Доктор, простите навязчивость погибающего человека, – с тактичной иронией начал бородач, выходя навстречу из-за двери, – но меня беспокоит ваше полное безразличия отношение к своим пациентам.

– Сисак-джан, драгоценный ты мой, уверяю: ты всех нас переживёшь, – с напускным спокойствием парировал врач. – Я не посвящаю больных в секреты своего

лечения, однако почему бы не сделать исключения для хорошего человека? – врач боязливо оглянулся – в коридоре никого не было. – Так вот, мой нетрадиционный метод лечения не имеет аналогов в мировой практике. Он предполагает... минимум внимания к больному.

– То есть как это?! – искренне удивился бородач.

– Конечно, поначалу пациент возмущается, протестует, ломает стулья и другую нехитрую больничную утварь! Но проходит немного времени, и он смиряется со своим положением, теряет всякую надежду на помощь врача. И вот тут наступает переломный момент в ходе болезни! Организм больного в целях самозащиты мобилизует все свои скрытые резервы, зарабатывают ранее молчавшие внутренние механизмы и рычаги. Дело постепенно идёт на поправку – больной сам исцеляет себя!.. Выздоровеешь – поговорим обстоятельнее. Со здоровым человеком, согласишься, общаться приятнее, – врач загадочно ухмыльнулся.

«Так можно и дома лечиться, – недоумевал ничего не понявший бородач. – Нет, всё-таки придётся вызвать «скорую»!»

Вернувшись в палату после моциона по больничному двору, Аршак нашёл бородача внимательно рассматривающим что-то на широкой ладони. Лицо его сияло.

– Вот! Вылезли наконец-то! Сами вылезли! – делился он радостью, показывая несколько песчинок.

Кто-то со стороны коридора смотрел в замочную скважину. Через минуту торжественно вошёл «лечащий» врач. Лучезарная улыбка играла на его устах. Он так стиснул в своих объятьях бородача, что тот застонал от боли.

– Поздравляю, Сисак-джан! С выздоровлением! Искренне рад за тебя! А ты боялся, – скупая мужская слеза медленно потекла по впалой щеке врача и застыла в густой чёрной бороде бывшего больного.

Растроганный бородач, сам того от себя не ожидая, достал кожаный бумажник и, не раскрывая его, царственным жестом положил доктору в нагрудной карман халата.

– Ты что? Как не совестно? Разве так можно? – упрекал врач, стыдливо косясь на стоявшего рядом Аршака.

Бородач не растерялся: двумя пальцами вытащил обратно бумажник и незаметно переложил его врачу в боковой карман. Видимо, решив, что дальнейшее «сопротивление» лишено смысла, эскулап охотно сдался.

– Мой метод никогда не даёт сбоев!.. – облегчённо вздохнул он.

На следующее утро вместе с бородачом выписался и Аршак. Его скрытые резервы накануне вечером перевелись...

1992 г.

Несун

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Эта почти невероятная история произошла в одной из республик Закавказья ещё в советское время – в период, который тогда не без гордости называли «развитым социализмом».

В районном отделе милиции было шумно, неуютно и зыбко. Во всяком случае, так казалось тому, кто по воле обстоятельств или, может быть, самой судьбы оказывался здесь со стороны – был приглашён, а вернее, приведён «по делу»...

Высокий сержант вёл по длинному неопрятному коридору маленького тёмного гражданина в большой кепке. У кабинета старшего участкового сержант остановился, сурово, словно вынося приговор, взглянул на провинившегося, сорвал с него головной убор и... нерешительно постучался в дубовую дверь.

– Расхититель социалистической собственности! – участковый грузно поднялся со своего места, как-то нервно и суетливо надел на лысую круглую голову форменную фуражку типа «аэродром» (что считалось особым шиком, признаком довольства и высокого статуса – чем солиднее пост, тем больше площадь фуражки) и грозно надвинулся на появившегося на пороге человечка. – Таких, как ты, раньше в расход пускали!

Человечек, которому можно было дать лет сорок, вздрогнул, втянул голову в плечи, став ещё меньше.

– Представься! – скомандовал участковый, и большая бородавка на его здоровом, лоснящемся лице налилась кровью.

– Эйвазов... Рафик, – нерешительно, словно сомневаясь в том, что он произносит, выдавил из себя допрашиваемый.

Участковый двумя пальцами взял со стола металлический стерженёк, обёрнутый в платок, и помахал им в воздухе.

– Сколько лет на заводе?

– Девятнадцать...

– Девятнадцать?! – злорадно переспросил участковый. – Так вот, несун несчастный, будем отплясывать от того, что ты тащил с завода каждый день... Этот штифт стоит 1 рубль 27 копеек. Умножим 1 рубль 27 копеек на число трудодней в неделе – шесть... Потом – на число недель в месяце, ещё – на месяцев в году, наконец – на девятнадцать, – участковый с минуту калькулировал, затем, невзирая на свою тучность, достаточно легко встал, выпрямился, выпятив уродливый колыхающийся живот, который у него начинался почти прямо под двойным подбородком, снова зачем-то надел фуражку и, назвав цифру с несколькими нулями, крикнул почему-то на русском:

– Расхититель социалистической собственности! Такие негодяи, как ты, тормозят наступление светлой эры коммунизма!..

Грузно опустившись в под стать ему массивное кресло, старший участковый перевёл дыхание, ещё раз прошёлся глазами по протоколу мелкого хищения и как-то обречённо посмотрел на сержанта-стажёра:

– Загляни в уголовный кодекс. Сколько ему положено?

Сержант взял со стола потрёпанную книжку и стал листать. Спустя минуту он многозначительно взглянул на участкового и бесстрастно произнёс:

– Хищение государственного имущества в особо крупных размерах... 15 лет строгого режима!

Человечек аж подпрыгнул на месте:

– Смилуйтесь... не губите! У меня дети... много детей! Жена, тёща больная – все на моей шее, – сказал он, весь скукожившись.

Участковый грозно смотрел на него, сдвинув неухоженные, растопыренные брови.

– Ладно, сержант, не будем мелочиться – давай заменим ему на 10, – обратился он после солидной паузы к стажёру, незаметно подмигнув ему.

– Можно, пожалуй... – произнёс тот, как-то глупо откашлявшись.

– Можно Машку за ляжку, а закон требует строгости и точности! – снова подмигнув, произнёс участковый и хрипло рассмеялся. В его смехе чувствовался какой-то зловещий оптимизм.

Допрашиваемый стоял, как провинившийся ученик, боясь поднять глаза. Лишь тонкие усы его нервно дёргались и, казалось, что он вот-вот всхлипнет.

– Ну что раскис, негодник? Или разжалобить хочешь? Поздно уже – тогда надо было думать, когда народное добро воровал...

– Всё сделаю, ничего для вас не пожалею... пощадите! – взмолился несун, показав участковому два вытянутых пальца – указательный и средний.

Взгляд участкового невольно оживился и несколько смягчился, однако он резким движением снова надел фуражку-аэродром, встал и с возмущением произнёс на русском языке:

– Попытка дачи взятки должностному лицу?! Это ещё более усугубляет твоё положение! Сержант, посмотри сколько ему в совокупности полагается.

Стажёр с важным видом полистал потрёпанную книжку:

– Высшая мера наказания – расстрел! – отрезал он.

Наступила минутная пауза. Со стены на потенциальную жертву электрического стула строго и осуждающе смотрел железный Феликс в деревянной раме...

– Расстрел, так расстрел. Как говорили древние, «суров закон, но закон».

Произнося это, участковый вытянул перед несуну 3 пальца. Тот кивнул в знак

согласия, и оба облегчённо вздохнули. Стажёр, с любопытством наблюдавший за этой игрой, довольно улыбнулся.

Участковый нажал на кнопку в столе. На пороге появилась под стать ему толстая, но в то же время очень подвижная секретарша с огромными, красивыми, как у газели, глазами.

– Аделина, принеси чай, да покрепче, а то у меня нервы начинают сдавать!

У секретарши всё гармонично колыхалось: грудь, спина, бёдра... Не скрывая удовольствия, участковый, стажёр и допрашиваемый (несмотря на критичность своего положения) следили за тем, как она поплыла обратно.

– Ладно, земляк, так и быть, назначу тебе условное наказание... – участковый надвинулся на залётчика, едва женщина скрылась за дверью. – Три тысячи! Через два часа! – уже открыто произнёс он тоном, не допускающим возражений.

– Будет сделано, шеф! Разрешите идти?

– Иди, время пошло! – как подчинённому отдал «приказ» старший участковый. – И чтобы без шуток!

– С такими мерзавцами по-другому нельзя! – сказал поучительным тоном «шеф» стажёру, провожая нарочито строгим взглядом штрафника.

Через два часа восемь минут и двадцать секунд (как зафиксировал «шеф») залётчик появился. Теперь это был уже другой человек: он вошёл как хозяин, открыв, что называется, дверь ногой. Бросив на стол «откупные» в виде трёх обёрнутых в картон пачек, «обвиняемый» гордо посмотрел на «судей». Те и не глядели в его сторону, глупо уставившись на толстые стопки, словно не веря своим глазам. Из-под картонной обёртки с десятирублёвых банкнот с укоризненной и грустной улыбкой смотрел на них Владимир Ильич Ленин...

– Шеф, могу я попросить у твоей секретарши чай? – отдышавшись, нагло спросил несун. – Только обязательно в стакане армуды – из других не могу пить.

«Шеф» неохотно потянулся к звонку. Величественным кораблем в кабинет всплыла секретарша.

– Аделина, принеси... уважаемому чай, в армуды.

«Подследственный» теперь уже по-хозяйски посмотрел вслед за секретаршей, наслаждаясь её пышными, колыхающимися формами. Вся фигура женщины удивительным образом напоминала грушевидный стакан армуды.

– Вот женщина! – нахально произнёс несун. – Много бы за такую отдал.

– А, негодяй, не зарься на чужое, не твоего ума дело! – почти по-свойски отчитал его участковый.

– Да я так, ненароком, – оправдался залётчик. – Все мы – люди...

Но участковый уже и не слышал его, пряча под стол толстые пачки денег.

– А могу я взять штифт? Так, на память, – попросил бывший подследственный, уходя.

– Нет, дорогой, не положено. Это вещественное доказательство, – участковый аккуратно взял платочком железку и положил её в сейф...

Проводив несуну, милиционер вынул обратно штифт, полюбовался им и рассмеялся раскатистым, хищным смехом. Затем выбросил железку в урну и подмигнул стажёру-подельнику:

– Согласись, Игорёк, хорошие у нас люди – работать с ними можно. Вроде бы гиблое дело – административное наказание, штраф 10 рублей, но если к нему подойти творчески, с головой, то можно и...

Стажёр весело кивнул.

– Но и ты молодец, прогрессируешь! Так сколько, говоришь, с меня причитается?

2005 г.

Культурное мероприятие, или Рассказ о том, как немец двух кавказцев мирил

Спустя пару лет после установления хрупкого перемирия в зоне Карабахского вооружённого противостояния правозащитник из Германии Август Мюллер загорелся желанием примирить хотя бы по одному представителю сторон конфликта и, недолго думая, выбрал себе в качестве подопытного материала своих коллег – карабахца Сурена Аскаряна и азербайджанца Рауфа Гаджиева, с которыми имел шапочное знакомство. Отправив приглашительные с подробной программой пребывания, где с немецкой педантичностью отметил даже то, сколько времени будет отведено утреннему и вечернему туалетам, он не без тревоги ждал ответа. Нервно похаживая по просторному кабинету своего трёхэтажного особняка, Август, поправляя очки на переносице, куда съехались его светлые, едва заметные брови, размышлял: «Как бы чего не вышло... Не дай Бог ещё дома у меня перегрызутся – тогда не миновать скандала... пожалуй, международного! Кто знает этих кавказцев?! Однако, с другой стороны, чем чёрт не шутит, может, и премию мира дадут?»

Воодушевившись последней идеей, он всё ободрял себя: «Должен же, в конце концов, кто-нибудь решиться и попробовать пробить стену недоверия!.. »

Нервничала вместе с ним супруга – фрау Кэтрин, которая всё ломала голову над тем, как преподнести в лучшем виде немецкую кухню и вообще немецкие манеры... «Оценят ли эти горцы мои старания?» – думала она.

Признаться, они не особенно верили в успех затеи и даже сомневались, что гости из далёкого Южного Кавказа вообще согласятся приехать, чтобы стать объектом достаточно рискованного эксперимента...

Но спустя две недели Сурен и Рауф сидели, как ни в чём ни бывало, в гостиной у Августа. Немец предупредительно расположился между кавказцами, бросая напряжённо-настороженный взгляд то на одного, то на другого.

– Ну, надеюсь, вы подружитесь, – как бы сомневаясь, наконец произнёс он, поёрзав в своём кресле.

Кавказцы переглянулись и скромно опустили головы.

Фрау Кэтрин принесла на подносе кофе и, расставляя чашки, вопросительно и немного испуганно посмотрела на супруга, пытаясь догадаться по выражению его лица, как продвигается эксперимент. Но лицо мужа в этот момент было каменным и бледным.

– Итак, господа, напоминаю программу пребывания, – откашлявшись, немец сказал более твёрдо и уверенно.

Минут с десять он читал длинный список предстоящих, до боли знакомых южанам мероприятий: подъём, физзарядка, утренний туалет, завтрак, беседа на тему о толерантности...

– А культурное мероприятие будет? – неожиданно спросил Сурен, незаметно подмигнув азербайджанцу.

Тот столь же незаметно улыбнулся.

– Культурное мероприятие? – Август недоверчиво сощурился.

– Да, – невозмутимо произнёс застрельщик, для предметности нарисовав ладонями в воздухе что-то грушевидное.

Вновь собрав у переносицы невидимые брови, немец, подумав, ответил:

– А что, можно. Придумаем что-нибудь... А пока прошу подготовиться к обеду. У вас, – он посмотрел на часы, – 13 минут.

– А покурить можно? – спросил Рауф.

– Только в саду. Там на столике находится пепельница, а под деревом – три бака

для мусора. После того, как покурите, пепел и окурки выбросьте в бак с неэкологическим мусором. Он стоит посередине...

Спустившись без особого энтузиазма в сад, кавказцы нашли загадочную пепельницу. Закурили, выпустив из себя на вздохе облегчения лёгкие, беззаботные кружочки дыма. Лишь после того, как, следуя инструкции, аккуратно стряхнули пепел в пепельницу, заметили, что немец наблюдает за ними с балкона. Тот, терпеливо выждав, когда кавказцы закончат курить и потушат окурки, для верности ещё раз подсказал местонахождение бака с неэкологическим мусором...

Когда курильщики вернулись, Август почти угрожающе поднял указательный палец:

– Через три минуты – обед.

В соседней комнате фрау Кэтрин уже накрыла на стол. Было всё: разные колбасы, ветчина, жареные мясо и картошка, пиво. Но не было самого главного для жителя Кавказа... Догадались? Ну конечно же – хлеба. Вернее, он был, но в очень малом количестве и только чёрный. К тому же был нарезан тонко, как бастурма. И каждый раз, когда Сурен с Рауфом, опуская в смущении глаза, просили у хозяйки ещё ломтик хлеба, втайне взывали к Всевышнему, чтобы фрау Кэтрин случайно взяла ножом чуть левее, ну хотя бы на полсантиметра... Потом «камрад» (так между собой кавказцы называли Августа) объяснил им, что белый хлеб в Германии покупают только приезжие, и стоит он дешевле чёрного.

– А так, мы не злоупотребляем хлебом, – с некоторым упрёком заключил немец.

Наскоро отобедав, фрау Кэтрин извинилась перед гостями, оделась и вышла.

– На дежурство в больницу, – объяснил Август и начал собирать посуду со стола.

Переглянувшись, кавказцы стали помогать ему.

– О, раз вы хотите пособить мне, то давайте распределим роли, – деловито произнёс немец, надев передник и профессионально завязав у себя за спиной тесёмки бабочкой. – Сурен, возьмите полотенце, а вы, Рауф, подавайте мне грязную посуду.

– Ты дома моешь посуду? – улучив момент, прошептал Рауф Сурену.

– Нет, у меня жена, дочь... бабушка, – удивлённо ответил тот.

– Вот бы посмотрели на нас краешком глаза наши благоверные...

Позже выяснилось, что в семье у Августа, как, впрочем, и по всей Германии, это в порядке вещей. Проявляя «мужскую» солидарность с Августом, кавказцы, меняясь ролями, каждый день, сначала неуклюже и уныло, затем всё искуснее и охотнее возились с тарелками у мойки.

Ужинать немец повёл своих подопечных в ресторан. Кавказцы, в знак солидарности друг с другом и стирания религиозных границ, заказали свиные ножки (фирменное блюдо этого заведения). Они были гигантских размеров.

– Наверное, такие свиньи жили в эпоху динозавров, – пошутил жизнерадостный Сурен, но внезапно сник, так как, к собственному ужасу, обнаружил, что на столе отсутствует хлеб.

Он отодвинул тарелку и наотрез отказался кушать, заявив, что без хлеба не сможет осилить эти громадные ножки. После долгих и нелёгких раздумий «камрад» позвал официанта и, отвернувшись, показал на Сурена пальцем, сказав, что «он хочет хлеба». Оглядевшись с нескрываемым любопытством необычного клиента, официант несколько смущённо улыбнулся и, произнеся «яволь», направился в сторону кухни. Через некоторое время он принёс и поставил перед Суреном большую корзину с белым и чёрным хлебом. Все посетители ресторана смотрели на Сурена с недоумением. Последний же, оглядевшись, только тут заметил, что ни на одном из столов хлеба нет. Однако от такого конфуза ни один мускул не дрогнул на лице у блюстителя кавказских традиций. Сурен

пожалел Рауфа и дал ему ломтик, хотя тот его не поддержал, когда он, отбросив стыд, потребовал хлеба. Во всё время ужина Август сидел вполоборота к Сурену, как будто он был не с ним. Когда необычный гость поел, официант, убрав посуду, подал ему кофе, однако корзину с хлебом оставил...

На обратном пути немец, всё ещё не оправившийся от стыда, долго объяснял своим гостям, что у них принято кушать ужин отдельно, а хлеб – отдельно, и что хлеб и ужин – понятия несовместимые. Сурен не хотел понимать его. Рауф вежливо отмалчивался.

Как только вошли в дом, Август произнёс:

– Заранее предупреждаю, что Сурен будет спать на первом этаже, а вы, Рауф, на третьем. Мы с Кэтрин будем посередине.

Кавказцы еле сдержали смех.

Так прошло два дня. Кавказцы приучались к устоявшемуся, расписанному до мелочей немецкому быту, а немец – к их странностям и капризам. Однажды, будучи в настроении, хозяин подсунил Сурену безалкогольное пиво. Тот пьёт, пьёт, а «прихода» нет... Немец радовался своему розыгрышу, как ребёнок.

– То-то, и я умею веселиться! – довольно повторял он сквозь смех.

На третий день кавказцы сплели небольшой заговор, попросив Августа разрешить им одним выйти в город. Еле удалось уговорить. Они направились в ближайший ресторан. Сурен предупредительно положил во внутренний карман пиджака бутылку припасённой тутовки. Его не испугала вывеска, на которой почему-то на русском было выведено большими и неровными буквами: «Приносить с собой и распивать спиртные напитки категорически воспрещается! Штраф... марок».

Пока Рауф, достав карманный словарь, возился с меню, пытаясь разобраться в длинном перечне блюд, Сурен, посмотрев сбоку на застывшего в профессиональной позе официанта, на его характерный профиль, тонкие, коротко остриженные усы, произнёс на азербайджанском языке, которым владел не хуже родного:

– Турок?

Дёрнулись тоненькие усики, официант оживился...

Когда он принёс текилу и пошёл за шашлыком, Сурен незаметно вылил содержимое рюмок в цветочный горшок на подоконнике и, не вынимая бутылку из кармана, наклонившись, разлил тутовку. Официант никак не мог понять, почему с каждым его приходом рюмки были полные, но лица гостей – всё краснее...

На следующий день, после лекции о толерантности, во время которой южане клевали носом, Сурен, пошептавшись с Рауфом, сказал Августу:

– А про культурное мероприятие не забыли?

Вопрос не застал немца врасплох, но он призадумался.

– Сейчас посоветуюсь с женой.

Кавказцы покраснели, попытались остановить его, но он уже звал свою прекрасную половину.

– Вот тебе демократия и равенство полов! – прошептал Рауф Сурену.

С минуту немец шептал что-то на ухо жене, которая не спускала с гостей серьёзного, изучающего взгляда. Затем уже Кэтрин стала что-то объяснять супругу и, выслушав её, Август торжественно произнёс:

– Собирайтесь! Придётся ехать в соседний город.

Радость кавказцев не знала границ. Сурен весело подмигнул своему потворщику. Быстренько побрились, помылись, надушились, приоделись.

Сойдя через пару часов с электрички, заказали такси. Рауф и Сурен всё думали, зачем для «этого» так долго ехать? Но в предвкушении удовольствия готовы были терпеть все неудобства.

Такси встало неподалёку от большого светлого здания. Пройти к нему пришлось через небольшой ухоженный парк.

– Ты посмотри! – неожиданно воскликнул Сурен, показывая в сторону пруда.

– Ух ты-ы! – восторженно откликнулся Рауф.

Переваливаясь, покачивая жирными ляжками, к пруду, где мирно плавала её подруга, шла утка, не подозревая о том, что стала объектом нездорового интереса.

– Что стали? – спросил немец с упрёком.

– Утки! – мечтательно произнёс Сурен, провожая птицу плотоядным взглядом.

– Ну и что?

– Деликатес! – произнёс Рауф.

– И у вас это съели бы? – изумлённо и почти гадливо произнёс немец.

– Конечно!

– Так ведь в магазинах продаётся.

– Но ведь это дичь... – Сурен стал объяснять немцу.

– Дикари! – бросил немец, не дослушав его, и ускорил шаг.

Посмотрев на здание и почуяв недоброе, Сурен встревоженно спросил у Августа:

– Куда вы привели нас?

Примерно такие же чувства раздирали душу Рауфа. «Тоже мне – Сусанин!» – думал он.

– А что вы хотели? – недоумённо спросил немец.

В ответ, как по команде, Сурен и Рауф нарисовали в воздухе пышные женские формы: первый – груди, второй – бёдра.

– А-а, вот что вы хотите?! – Август словно разоблачил шпионов. – Это исключается! У меня хорошая репутация. Да и проектом не предусмотрено – фонд за «это» платить не будет.

Всё ещё не теряя надежды, что это шутка и немец просто заигрывает с ними, кавказцы уныло вошли в здание.

– Начнём с третьего этажа, там интереснее, – предложил Август.

Вышли из лифта, вошли в широкую дверь. Странная картина предстала взору опешивших кавказцев. Вернее, картины. Они расплывались перед глазами: бесформенные пятна яркого цвета пересекались какими-то кривыми линиями. От разнообразия цветовых сочетаний, геометрических форм, плоскостей, прямых и ломаных линий кружило голову...

– Бардак! – невольно вырвалось у Сурена.

– Хуже! – ответил ему Рауф.

Да, дорогой читатель, это был музей абстракционизма. Что ещё оставалось делать бедным искателям приключений, как послушно ходить по всем этажам, внимательно осматривать странные и непонятные им экспозиции и попытаться найти в них логику? Сперва делали вид, что интересно, а потом так увлеклись, что не пожалели про «культурное мероприятие»...

Когда ждали электричку, кто-то пролаял в громкоговоритель на перроне: «Ахтунг, ахтунг!», затем возбуждённо добавил ещё что-то. Сурен с Рауфом перепугались, понимая, что «ахтунг, ахтунг!» не сулит ничего доброго. Первое, что пришло в голову Сурену – начинается бомбардировка и нужно бежать в подвал. А тут Рауф с бледным лицом вдруг говорит тихо: «Война! Немцы напали на Россию...».

«Камрад» успокоил своих попутчиков, объяснив, что электричка запаздывает, по пути следования случилось небольшое ЧП. Придя в себя, Сурен спросил у Рауфа, почему тот решил, что немцы напали на Россию? Но Рауф толком так ничего и не ответил, сказав, что это первое, что пришло ему в голову. Впрочем, оно и понятно, мы, бывшие советские люди, насмотрелись фильмов про войну 1941-1945 годов и, слыша слово «ахтунг», думаем, что началась война. А войн в наш век – хоть отбавляй, они давно уже перешли с экрана телевизора в реальную жизнь, став, увы, обыденностью...

По возвращении Август со сдержанным смехом рассказал жене о «культурном мероприятии», и та получила колоссальное удовольствие от такой «накладки»...

Неделя в Германии приблизилась к концу. В последний день гости в знак благодарности решили прибраться в саду у Августа. В ход пошли лопаты, грабли. Когда собрали в кучу сухие ветви, у Сурена появилась идея зажарить настоящий кавказский шашлык и угостить напоследок хозяев. Поделились этой мыслью с немцем. Он озабоченно спросил:

– А что будем зажигать?

– Сухие ветки.

Пауза. У хозяина появилась характерная напряжённая складка у переносицы, не предвещавшая ничего хорошего:

– У нас же нет шомполов...

Но отговорка не вышла.

– Можно пару веток с дерева срезать – вот тебе и шомполы, – вдохновлённо парировал Сурен.

– Надо у жены спросить, – побледнев, сказал Август и пошёл в дом совещаться.

Вернулся он ещё более озабоченным:

– А если в камине зажарим?

Наступила неловкая пауза.

– Понимаете, у меня репутация... Кроме того, соседи могут упрекнуть меня в том, что я не только эксплуатирую приезжих, но ещё и экологию загрязняю...

Прощаясь в аэропорту, Сурен и Рауф с кавказской готовностью приглашали Августа с супругой в гости. Немец, довольный тем, что эксперимент прошёл без эксцессов, обещал непременно приехать...

В самолёте Сурен несколько раз просил стюардессу принести дополнительно хлеба. После пятого раза та сердито сказала, что хлеба больше нет, хотя первые четыре булочки принесла с милой, «понимающей» улыбкой.

Сурен смотрел в иллюминатор, забылся. Снились нарядные парки, дома в готическом стиле, доброе, но озабоченное и подёрнутое легкой грустью лицо Августа... А очнувшись, нашёл себя крепко прижимающим к груди булочку хлеба.

Когда выходил из самолёта, всё было как в тумане, нереально, словно в музее абстракционизма... Но вдруг кто-то наступил ему на ногу и, вырывая у него дорожную сумку, крикнул в ухо:

– Брат, куда надо? Скажи, довезу!

Сурен понял, что он уже дома, и на душе стало тепло и спокойно...

2006 г.

Коту под хвост

(Быль о том, как философ кошек кормил)

Студенческая жизнь полна курьёзов, но мне больше всего запомнился один случай.

После десятилетки мы со школьным товарищем поступили в один и тот же университет в большом городе: я на филологический факультет, он – на философский. Сняли комнату рядом с университетом.

Комната – сильно сказано! Она была карикатурна: три на три метра жизненного пространства, потрескавшаяся штукатурка стен, местами покрытая плесенью, фанерный потолок, почти касающийся макушки наших голов, а за фанерой на чердаке... кошки. Они вечно царапали потолок с той стороны, грызлись между собой и кричали так странно и неестественно, подобно судорожному плачу ребёнка, что я порой просыпался посреди ночи в холодном поту. Товарищ же мой спокойно, по-философски заключал, что кошки голодают и следовало бы накормить их. Разумеется, дальше слов дело не шло: самим было не до жиру (у студента и кость голодная). Но к кошкам и кошмарам, связанным с ними, мы ещё вернёмся...

Ради справедливости надо сказать, что за стеной была ещё и небольшая кухня общего пользования, с газовой плитой и краном. В общем, минимально необходимые для жизни условия и никаких излишеств. Ко всему прочему хозяйка, сгорбившаяся под тяжестью лет маленькая старушка с живописно крупным носом, чем-то напоминавшая сказочную Бабу-Ягу, сразу же, едва познакомилась с нами, предупредила: «Девушек не приводить!» Признаться, тогда нам было не до них: собственных забот хватало.

Моего товарища-философа звали Лорик. Наверное, такими и бывают начинающие философы: рассуждают умно, но слишком много и обо всём сразу, словно боятся, что больше не представится возможности выговориться, однако совершенно беспомощны в практических делах. Лорик мог беспрерывно и энергично говорить в буквальном смысле до самого утра, но стоило предложить ему сделать что-нибудь по хозяйству, как весь его энтузиазм пропадал, горящий доселе взор вмиг затухал, словно выключенная водителем фара машины, а сам он становился вялым и немного грустным.

Когда в первое после новоселья воскресенье я предложил Лорику сделать генеральную уборку, его лицо стало трагичным. Он поспешил выступить со встречным предложением: перенести уборку на следующее воскресенье. Однако я твёрдо стоял на своём.

Мы вынесли из полуразвалившейся тумбочки в углу хлам, сохранившийся от прежних обитателей нашего нелепого жилища, распределили участки, вооружились тряпками, тазиками с водой. Я невольно следил за неловкими движениями Лорика, который протирал на корточках пол под кроватью, за его нервной, периодически вздрагивающей спиной и наверняка знал, что про себя он ругает меня. Однако по завершении уборки философ облегчённо вздохнул и вроде бы сделал мне комплимент:

– Ты у нас прямо-таки Горбачёв!

По всей видимости, он хотел сказать, что как Михаил Горбачёв в масштабах всей бывшей советской империи, так и я в отдельно взятой комнатухе осуществили перестройку. И надо признаться, вскоре мои усилия действительно дали плоды – в один прекрасный день Лорик совершенно неожиданно сам проявил хозяйственную инициативу.

Вот как это было. В воскресенье Лорик собирался в баню. Накануне он, к моему искреннему удивлению, предложил с утра, до бани, разрубить мясо, которое мы хранили в холодильнике у хозяйки. Тогда в городе действовали всего две-три бани, и нужно было явиться туда пораньше, чтобы часами не ждать в очереди. В общем, назавтра, едва

забрезжил рассвет, Лорик уже был на ногах. Я же решил немного понежиться в постели, в душе восхищаясь инициативой товарища. Не тут-то было!

Предутреннюю тишину в округе нарушил топор философа: он приступил к разделке мяса. Но какие-то странные, вечно меняющиеся звуки сопровождали эту нехитрую вроде бы процедуру – как будто аккомпанировал целый оркестр. Что-то падало, шлёпалось о стену, билось о стекло. Вокруг всё дрожало и дребезжало. Потом вдруг раздался сильный треск, грохот упавшего предмета, скорее всего, табурета, лязг клинка отлетевшего топора... Мне было ужасно интересно посмотреть, что творится за дверью, но лень было вставать. Потом вдруг всё стихло. Напряжённую паузу нарушил ржавый скрип приоткрывшейся двери: Лорик как-то подозрительно и неуверенно просунул голову в образовавшуюся щель и произнёс:

– Мясо готово. Я пошёл в баню.

Я чуял, что произошло нечто неординарное и не совсем хорошее. Вскоре мои предчувствия подтвердились: за дверью послышалось недовольное бурчанье старушки. Я встал и, спрятавшись за дверью, осторожно приоткрыл её. Удивительная картина представилась моему взору: площадка напротив нашей каморки и кухни была сплошь покрыта мелкими, словно специально наструганными, кусочками мяса. Стены и стёкла были обрызганы кровавыми крошками, с потолка свисала длинная, тоненькая жилка... Я перевёл взгляд и с ужасом заметил валяющийся в углу расколотый напополам табурет. Рядом клинком вверх лежал топор. Я молча закрыл дверь и лёг обратно в постель, уйдя с головой под одеяло, чтобы не слышать ворчанье старушки.

Через пару часов вернулся мой посвежевший после бани товарищ с румянцем на щеках. Он всё уводил глаза от моего упрямо-вопросительного взгляда. Неловкая пауза длилась с минуту. Наконец Лорик, достаточно нагло, нарушил тишину:

– Что? Старушенция возмущалась?

Тут и ко мне вернулся дар речи:

– Лорик, я могу понять сломанный по неосторожности табурет, но за собой почему не прибрал?

Ответ не заставил себя ждать:

– Думал, пока вернусь из бани, кошки полакомятся отходами.

– ?!

На кухне на дне кастрюли лежал жалкий комочек мяса – словно кот заплакал... Мы не знали, что с ним делать. Скормили бы кошкам, да вот, видно, убежали они, пока начинающий философ махал топором, будоража всю округу...

2007 г.

Содержание:

ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Рождение человека, или Преодоление боли	3
Агония	5
Правда	7
Наивная мудрость	9
Властелин грёз	11
Преодоление	16

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Сон	19
Спасённая мелодия	21
Брошенный мяч	26
Непрошенные слёзы	29
Звонящая тишина	32

ЮМОР И САТИРА

Скрытые резервы	35
Несун	38
Культурное мероприятие, или Рассказ о том, как немец двух кавказцев мирил	41
Коту под хвост	46